

Изъ исторiи православiя
въ прибалтiйскомъ краѣ.

Къ 25-лѣтiю

Рижскаго Петропавловскаго Православнаго Братства.

*Се што добро, или што красно, но еже
жити братiи вкупѣ (Пс. 132, 1).*

Г. А. Пасситъ.

РИГА, 1892.

Типографiя М. Якобсона, Ткацкая ул. № 5, 7.

Изъ исторіи православія въ прибалтійскомъ краѣ.

Къ 25-лѣтію

РИЖСКАГО ПЕТРОПАВЛОВСКАГО

Православнаго Братства.

*Се что добро, или что красно, но еже
жити братѣи вкупу (Ис. 132, 1).*

Г. А. Пасситъ.

РИГА, 1892.

Типографія М. Якобсона, Твацкая ул. № 5/7.

Печатать дозволяется. Рига, 9 января 1892 года.

№ 1.

Цензоръ, Протоіерей І. Линденбергъ.

I.

Братства въ югозанадной русской православной церкви.

Истинная вѣра, принесенная на землю Господомъ Нашимъ Иисусомъ Христомъ, по слову Его, ведетъ человека къ царство Божіе путемъ тѣснымъ и тернистымъ; иго Господа Иисуса Христа становится *благимъ*, и время, возлагаемое Имъ на человека, *легкимъ* для него только тогда, когда онъ глубоко проникнется убѣжденіемъ въ истинности вѣры Христовой и удостоится спасающей благодати Его. Поэтому-то церковь всегда встрѣчала сопротивленіе себѣ, и теперь приходится ей вести упорную борьбу съ врагами видимыми и невидимыми, — она всегда будетъ воинствующею на землѣ.

Но истинная церковь Христова, ведущая свое начало въ непосредственной преемственности отъ самого Господа чрезъ святыхъ Его Апостоловъ, никогда не воинствовала^а оружіемъ насилія, не воинствовала огнемъ и мечемъ, а воинствовала словомъ убѣжденія, мира и любви.

Восточная православная церковь въ своей борьбѣ съ врагами всегда памятовала слова Господа Иисуса Христа: „*взявшии мечь, мечь ихъ погубнуетъ*“ (Мѡ. 26, 52); согласно истинѣ, засвидѣтельствованной Христомъ передъ Пилатомъ: „*царство Мое не отъ міра сего*“ (Іоан. 18, 36),

исторія первенствующей церкви Христовой свидѣтельствуеть, что члены ея, когда мірскія власти или иновѣрцы посягали на ихъ собственность, на жизнь ихъ, отвѣчали безропотною покорностью или молитвою къ Господу о прощеніи притѣснителей.

Поддержу, опору, подкрѣпленіе и утѣшеніе въ скорбяхъ, гоненіяхъ и несчастіяхъ истинные послѣдователи Христовы искали въ тѣсномъ общеніи между собою.

Немедленно по вознесеніи Господа начали образовываться тѣсныя общины послѣдователей Христовыхъ, дававшихъ Богу и другъ другу обѣтъ дѣлить взаимно все: счастье и несчастіе, страданія и мученія. Чѣмъ сильнѣе были гоненія и преслѣдованія на истинную церковь Христову, тѣмъ тѣснѣе смыкались члены ея, тѣмъ самоотверженнѣе и безкорыстнѣе было ихъ служеніе общему дѣлу.

Истинные христіане подвергались гоненію не только въ первыя времена христіанства, когда малое стадо Христово было окружено со всѣхъ сторонъ Іудеями, для которыхъ, по слову Апостола Павла, вѣра въ Іисуса Христа, какъ Сына Божія, соблазнъ, — и язычниками, для которыхъ, по слову того-же Апостола, вѣра въ Іисуса Христа, какъ Богочеловѣка, безуміе (Коринѳ. гл. 1. ст. 23.), — но даже и въ то время, когда Христіанство во всей Европѣ сдѣлалось господствующею религіею, — со стороны самихъ христіанъ, въ нѣкоторыхъ догматахъ отпавшихъ отъ истиннаго ученія Христова. Такъ со

стороны литовско-польской католической церкви воздвигнуто было гоненіе на русскую православную церковь въ югозападныхъ русскихъ областяхъ, находившихся подъ властію литовско-польскихъ государей.

Гоненіе это продолжалось съ конца XV вѣка до конца XVIII вѣка. Православные въ этихъ областяхъ были угнетаемы не только въ вѣрѣ, но подвергались жесточайшимъ преслѣдованіямъ и во всѣхъ обстоятельствахъ жизни: въ послѣднемъ родѣ преслѣдованій гонители усматривали надежнѣйшее средство къ отклоненію гонимыхъ отъ православія. Чтобы вѣрнѣе разставить свои сѣти и завлечь православныхъ въ католичество, іезуиты придумали унію, т. е. католическая церковь оставляла за православными право сохранить догматы вѣры, богослуженіе и обряды православной церкви, требуя только признанія главенства папы.

Въ 1465 г., по распоряженію короля Казимира Ягелловича, католическіе ксендзы, прелаты и монахи рассыпались по литовскому государству проповѣдывать церковную унію. Тогда православно-русское населеніе поняло, какая опасность грозитъ православію, и стало придумывать средства къ оборонѣ. Надежнѣйшее средство къ тому оно усмотрѣло въ тѣсномъ единеніи и дружномъ дѣйствіи. Оно стало образовывать общины подъ названіемъ братствъ. Братства учреждали больницы, училища, страннопріимные дома и богадѣльни. Братчики въ опредѣленные дни собирались на богослуженіе въ опредѣленную церковь. Тамъ, по окончаніи богослуженія,

они принимали пожертвованія на содержаніе бѣдныхъ, больныхъ, на погребеніе усопшихъ, на училища и. т. п. слушали чтенія твореній св. отцовъ восточной церкви, издавали богослужебныя и поучительныя книги, разсуждали о мѣрахъ къ огражденію православія отъ посягательствъ на него со стороны католичества. Результаты дѣятельности братствъ превзошли всякое ожиданіе: пропаганда католическаго духовенства и іезуитовъ была ими надолго задержана. Чѣмъ болѣе усиливалась пропаганда католической церкви, тѣмъ болѣе росло и значеніе братствъ. Православные восточные іерархи, посѣщая западно-русскую православную церковь и видя шаткое положеніе высшаго духовенства въ православной Литвѣ, поняли значеніе братствъ въ дѣлѣ защиты православія, дали братствамъ важное значеніе въ церковныхъ дѣлахъ, поставили ихъ даже выше епископовъ и митрополита: братства получили право наблюдать за чистотою религіи и нравственностью православнаго духовенства, имѣли право въ церковныхъ и іерархическихъ дѣлахъ сноситься прямо съ патриархомъ. Подобныя же историческія обстоятельства вызвали открытіе Рижскаго Петропавловскаго братства.

На окраинѣ обширнаго отечества нашего, въ которой суждено намъ жить и дѣйствовать, были и есть также враги православія: это — первоначально католичество, а затѣмъ — лютеранство. Католичество еще въ древнія времена подавляло зарождавшіяся здѣсь сѣмена православія, а потомъ, переродившись въ протестантство, наноситъ много вреда

уже на нашихъ глазахъ возрождающемуся здѣсь православію, несмотря на всѣ мѣропріятія правительства, направленные къ огражденію православія.

II.

Православіе и гоненія на оное въ Прибал- тійскомъ краѣ.

Христіанство, по грековосточному православному обряду, перешло къ русскимъ въ X в. Исторія свидѣтельствуешь, что скоро послѣ принятія христіанства русскими оно стало проникать и къ племенамъ, обитавшимъ въ Прибалтійскомъ краѣ, — латышамъ и эстамъ, находившимся въ союзныхъ и торговыхъ сношеніяхъ съ новгородцами, псковичами и полочанами. Въ 1030 г. великій князь Ярославъ, обративъ чудскую деревню Тарта въ крѣпость, называетъ ее своимъ христіанскимъ именемъ „Юрьевъ“ и подчиняетъ чудь русскому владычеству. Въ новоучрежденной крѣпости поселились русскіе, и такимъ образомъ началось постоянное сожительство русскихъ христіанъ съ туземцами-язычниками, среди которыхъ русскіе, согласно духу православной вѣры, не вели насильственной пропаганды съ цѣлью обращенія въ православіе язычниковъ: принятіе христіанской релігіи племенами, съ которыми русскіе приходили въ соприкосновеніе, совершалось мирно, добровольно, исподоволь.

Уже около XI в. среди чудского населенія были христіане по восточно-православному обряду. Изъ отвѣтовъ Нифонта, архіепископа Новгородскаго, Кирику

видно, что въ Новгородѣ соблюдалось правило начинать оглашеніе чужина за 40 дней до крещенія. Отсюда несомнѣнно, что уже въ первой половинѣ XII в. чуждъ принимала крещеніе по греко-восточному обряду.

Объ обращеніи латышей въ православіе нужно сказать то же, что сказано о чуди (т. е. эстахъ): обращенія происходили не массами, не цѣлыми племенами, а отдѣльными личностями или семействами. Генрихъ-латышъ, рассказывая о крещеніи имерскихъ летгаловъ въ 1207 г., сообщаетъ, что они (летгалы) передъ принятіемъ крещенія бросили жребій, чтобы узнать волю боговъ, принять ли крещеніе отъ псковичей, русскихъ, или отъ латинянъ, при чемъ Генрихъ прибавляетъ, что русскіе въ то время приходили крестить Толовскихъ латышей.

Политическія соображенія и льстивыя обѣщанія католиковъ-нѣмцевъ побудили летгаловъ принять католическую религію, тѣмъ болѣе, что неокрѣпшіе еще въ вѣрѣ и необразованные латыши не въ силахъ были усмотрѣть разницу между православіемъ и католичествомъ, что подтверждается и самымъ фактомъ метанья жребія. Вопросъ: принять ли христіанство отъ нѣмцевъ или русскихъ, рѣшался, главнымъ образомъ, соображеніемъ, отъ кого можно ожидать больше выгодъ, или кого приходилось больше бояться; нѣмцы обѣщали защищать ихъ противъ русскихъ (Генрихъ-латышъ, гл. XVIII, 3), слѣдовательно, освободить отъ дани, которую они платили русскимъ.

Въ XIII столѣтіи русская земля подпадаетъ игу татаръ; все вниманіе русскихъ обращается на востокъ

на защиту себя самихъ и на защиту у себя православной вѣры. Въ это время не только у латышей и эстовъ были подавлены сѣмена православія въ прибалтійскомъ краѣ, но и русскіе, селившіеся въ эти города по торговымъ дѣламъ, повидимому, не осмѣливались требовать офиціального признанія своего вѣроисповѣданія. Этимъ-то, навѣрно, и слѣдуетъ объяснять то обстоятельство, что въ продолженіе всего татарскаго ига ни въ русскихъ, ни въ мѣстныхъ историческихъ памятникахъ не упоминается не только о принятіи православія туземцами въ прибалтійскомъ краѣ, но и о православныхъ русскихъ, селившихся между туземцами, — между тѣмъ какъ въ мѣстныхъ письменныхъ памятникахъ до татарскаго ига о православныхъ русскихъ въ этомъ краѣ упоминается очень часто. Такъ онъ 1225 года Генрихъ-латышъ сообщаетъ, что въ Кокейносѣ латыши жили вмѣстѣ съ русскими. Епископъ Альбертъ сообщаетъ, что русскіе переселяются на житье въ Ливонію и, держась твердо своей вѣры, порицають католичество. Русскіе не только жили въ городахъ, но образовали здѣсь цѣлыя деревни, которыя у туземцевъ называются русскими. Подъ 1211 годомъ у Генриха-латыша упоминается деревня Wendeculla (что значитъ — русская деревня) Въ первой половинѣ XIII в. въ Вика, на Эзелѣ, упоминается о русскихъ селахъ Wendeculla и Querele. Подъ 1286 годомъ у Генриха-латыша упоминаются въ Эстоніи русскія деревни Wendewere и Russen-Grave. Въ

*) Введеніе Христіанства въ Лифляндіи, стр. 177. Трусмана.

Венденскомъ уѣздѣ подѣ 1382 годомъ упоминается русская деревня Russendorp, которая имѣла 26 гапеновъ земли.

Нѣтъ сомнѣнiя, что русскiе, поселяясь въ здѣшнемъ краѣ, устроивали здѣсь православныя церкви, но о существованiи православныхъ церквей въ прибалтiйскихъ городахъ мѣстные источники начинаютъ упоминать только съ того времени, когда окрѣпло Московское государство. О православной церкви въ Ревелѣ упоминается подѣ 1422 годомъ; о русскихъ церквахъ — Св. Николая и Георгiя въ Дерптѣ — упоминается въ описанiи путешествiя митрополита Исидора на Флорентiйскiй соборъ. Въ такъ называемомъ Denkelbok'ѣ, подѣ 1444, упоминается о русскомъ кладбищѣ въ Ригѣ, а затѣмъ и о церкви св. Николая при этомъ кладбищѣ (подѣ 1453 г.), а подѣ 1447 о русскомъ конвентѣ (монастырѣ или богадѣльнѣ). Все это вмѣстѣ называлось „Der Russische Dorf“. Нужно думать, что сѣмена православiя, посѣянные русскими у латышей и эстонцевъ — еще до прихода нѣмцевъ въ Прибалтiйскiй край — окончательно не заглохли между ними, не смотря на переходъ ихъ значаюча въ католичество, потомъ въ лютеранство. Это подтверждается тѣмъ, что латыши сохранили одинаковыя съ русскими названiя нѣкоторыхъ предметовъ и дѣйствiй, относящихся къ религiи и религiознымъ обрядамъ, нап. bašniza—божница, kristitees—креститься, kuhms—кумъ, gaweht—говѣть, klanitees — кланяться, swehtit — святить и мн. др.

Изъ книгъ Якобштадской Святодуховской церкви можно усмотрѣть, что латыши-лютеране имѣли обыкновенiе три раза въ годъ приходить въ Якобштадскую

церковь, служить молебны. Какъ латыши, такъ и эсты-лютеране ежегодно приходили въ Печерскій монастырь молиться Богу*).

Но собственно исторія православія въ Прибалтійскомъ краѣ начинается съ 1841 г. текущаго столѣтія. Это своеобразное явленіе, не имѣющее себѣ подобныхъ въ исторіи религіозныхъ движеній человѣчества, вызвало множество противорѣчивыхъ, даже завѣдомо ложныхъ толкованій. Поэтому намъ приходится подолѣе остановиться на этомъ явленіи, чтобы, по мѣрѣ возможности, уяснить причины, породившія его.

Латыши и эсты въ Лифляндіи въ 1841 г., безъ всякихъ внѣшнихъ побужденій со стороны миссіонеровъ, агитаторовъ или властей, неожиданно вздумали оставить вѣру, которой держались нѣсколько столѣтій, и перейти въ православную, даже вопреки упорному сопротивленію мѣстныхъ властей, претерпѣвая за вѣру отъ послѣднихъ преслѣдованія, гоненія, даже мученія.

Господство въ этомъ краѣ въ политическомъ, административномъ, цолицейскомъ, судебномъ и экономическомъ отношеніяхъ исключительно принадлежало тогда лютеранству. Всѣ пущенныя лютеранствомъ въ ходъ репрессивныя мѣры оказались на первое время не въ силахъ удержать народъ отъ стремленія къ православію. Всѣ мѣстныя власти единогласно провозгласили, что причиною упомянутаго движенія была пропаганда со стороны православнаго духовенства: будто бы православное

* Чтеніе общества исторіи древн. Россійскихъ 1865 г. кн. III, стр. 121.

духовенство деньгами подкупало крестьянъ къ переходу въ православіе, общало крестьянамъ освобожденіе отъ поземельныхъ повинностей, отъ помѣщичьей власти, общало бесплатный надѣлъ землею; подъ этимъ предлогомъ мѣстныя власти подавали доносы высшему начальству. Несмотря, однако, на строжайшія слѣдствія, причемъ слѣдователями были сами же доносчики, не было открыто ни малѣйшихъ слѣдовъ какой-бы то ни было пропаганды. Въ самомъ дѣлѣ, могутъ ли разумныя соображенія, основанныя на тогдашнихъ обстоятельствахъ, допустить хотя бы предположеніе о подобной пропагандѣ? 1) Православныя церкви въ Прибалтійскомъ краѣ были только въ губернскихъ городахъ, а въ уѣздныхъ городахъ — только въ Перновѣ и Дерптѣ; къ тому же православные священники не знали мѣстныхъ языковъ. Все вниманіе православнаго духовенства, вслѣдствіе настоятельныхъ предписаній со стороны высшей власти, было обращено на противодѣйствіе усиливавшейся, особенно въ Прибалтійскомъ краѣ, расколничьей пропагандѣ и на устройство единовѣрческихъ церквей, съ каковою цѣлью исключительно и назначенъ былъ въ 1836 г. въ Ригу викаріемъ Псковскаго архіепископа, завѣдывавшаго православными церквами въ Прибалтійскомъ краѣ, епископъ Иринархъ, бывшій дотолѣ викаріемъ Тверской епархіи*).

*) Преосвященный Иринархъ закончилъ свое образованіе въ высшемъ духовномъ заведеніи подъ руководствомъ митрополита Московскаго Филарета; потомъ самъ былъ наставникомъ въ высшемъ разсадникѣ духовнаго просвѣщенія. Затѣмъ онъ служилъ послѣдовательно въ Миланѣ, во Флоренціи, Греціи, былъ викарнымъ епископомъ Старицкимъ, Рижскимъ

2) Русское духовенство въ краѣ пользовалось очень скуднымъ содержаніемъ. Спрашивается, на какія средства могло оно подкупать крестьянъ съ цѣлью обращенія ихъ въ православіе? Горсть умиравшихъ съ голоду крестьянъ, которымъ епископъ Иринархъ роздалъ по нѣскольку грошей и по куску хлѣба, въ то время и не помышляла о православіи. 3) Духовенство не могло обѣщать крестьянамъ какихъ-либо льготъ по части повинностей или надѣла крестьянъ землею, потому что ничего подобнаго этимъ льготамъ не было во всемъ государствѣ. Послѣдствія, къ которымъ приводило крестьянъ намѣреніе принять православіе: отнятіе у нихъ усадебъ, бритье головъ, сажанье въ тюрьмы, битье палками*), сопровождавшееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ смертными случаями, слишкомъ краснорѣчиво доказывали крестьянамъ противное. 4) Агенты мѣстныхъ властей, уговаривавшіе крестьянъ не принимать православія, грозившіе имъ ссылкой въ Сибирь за принятіе православія, награждались и деньгами, и медалями**).

епископомъ Кишиневскимъ, Валогодскимъ, Каменецъ-Подольскимъ, наконецъ Рязанскимъ. Онъ былъ извѣстный проповѣдникъ и богословъ, отличался необыкновенною умѣренностью въ жизни, безкорыстіемъ, прямою характера и гуманностью. Послѣднія десять лѣтъ жизни провелъ на покоѣ въ Рязанскомъ Троицкомъ монастырѣ; скончался 25 сентября 1877 г.

*) Отношеніе ген.-губ. Министру В. Д. отъ 5 августа за № 768. Сборникъ матеріаловъ по исторіи Приб. края, т. IV. стр. 571. описаніе Штакельберга. Сборн. матер. стр. 576.

**) Сборн. мат. по исторіи Прибалтійскаго края, т. IV. стр. 573.

Такимъ образомъ и здравый смыслъ не даетъ ни малѣйшихъ основаній къ обвиненію православнаго духовенства въ подстрекательствахъ и подкупахъ.

Но возражать: если латышей и эстовъ не подстрекали къ обращенію въ православіе, не внушали имъ, что православная вѣра есть единственно истинная вѣра, то какъ они могли сами собою придти къ тому заключенію, что православная вѣра дѣйствительно такова? — Объ этомъ скажемъ ниже. Тутъ замѣтимъ только, что недовольство настоящимъ побуждаетъ человѣка искать лучшаго; при этомъ человѣкъ въ исканіи лучшаго руководится безсознательнымъ чутьемъ лучшаго, рѣдко знаніемъ,

Протестантизмъ, подорвавъ авторитетъ преданія, прервавъ іерархическую преемственность отъ Иисуса Христа чрезъ Апостоловъ, предоставивъ каждому проповѣднику толковать по своему разумѣнію св. писаніе и установившееся въ восточной и западной церкви ученіе о догматахъ вѣры и о таинствахъ, тотчасъ же обнаружилъ свою несостоятельность и шаткость своего ученія: тотчасъ стали рождаться новыя исповѣданія, новыя секты съ излюбленнымъ вѣроучителемъ во главѣ. Одна изъ такихъ сектъ — гернгутерство — имѣла косвенное вліяніе на движеніе латышей и эстовъ въ пользу православія. Мы коснемся этой секты, насколько она касается разбираемаго нами вопроса. Гернгутерство зародилось въ первой половинѣ XVIII в. По ученію гернгутеровъ, протестанская церковь есть только преддверіе

къ истинной церкви, которая образуется, когда истинные сыны Божіи, жаждущіе благодатнаго возрожденія, сольются воедино и образуютъ изъ себя духовное братство. Въ гернгутерскія общины могли поступать послѣдователи всѣхъ протестантскихъ вѣроисповѣданій; отъ поступающихъ въ общину требовалось, чтобы они не только не отдѣлялись отъ ирежнихъ единовѣрцевъ, но непременно посѣщали прежныя церкви, исполняли ихъ предписанія, оказывали ихъ пастырямъ глубочайшее уваженіе п. т. д. Въ собраніяхъ гернгутеры занимались молитвою, пѣніемъ, назидательными бесѣдами, даже совершали таинства крещенія, причащенія и полугласную исповѣдь съ омовеніемъ ногъ. Догматическими вопросами они не занимались, но старались пробудить въ членахъ своей общины вниманіе къ самимъ себѣ, сознаніе своей грѣховности и живую потребность благодатнаго обновленія. Страсти Христовы — основная тема ихъ пѣсенъ, проповѣдей и бесѣдъ. Изъ этого краткаго очерка ученія гернгутеровъ можно видѣть, что они старались пополнить пробѣлъ, оставленный въ протестантизмѣ: протестантизмъ оставилъ въ религіи пищу только для ума созерцательнаго и отнялъ ее у сердца. Религія должна дать пищу не только уму, но и сердцу; въ противномъ случаѣ она не удовлетворяетъ человѣка.

Къ 1819 г. у гернгутеровъ уже было въ Лифляндіи 144 общины съ тридцатію тысячами членовъ; чрезъ нѣсколько лѣтъ число общинъ возрасло до 5 тысячъ. Лучшая часть поселянъ, большинство должностныхъ

крестьянъ — судьи, учителя, церковные старосты, словомъ, люди болѣе развитые вступали въ гернгутерскія общины. Хотя гернгутеры нисколько не уклонялись отъ церкви и оказывали ей служителямъ должное уваженіе, тѣмъ не менѣе лютеранская церковь не могла относиться равнодушно къ образованію въ своей средѣ другой церкви. Считаемо излпшнимъ вдаваться въ описаніе борьбы лютеранской церкви съ этими общинами; скажемъ только, что правительство приняло сторону лютеранской церкви, предписало примѣнить къ молитвеннымъ домамъ гернгутеровъ всѣ правила устава лютеранской церкви въ Россіи, не открывать новыхъ молитвенныхъ домовъ безъ разрѣшенія генералъ-губернатора, а въ 1839 г. 24 марта было запрещено протестантамъ поступать въ общины. Само собою понятно, что это должно было усилить нетерпѣливое ожиданіе истиной церкви, которой — по ученію гернгутеровъ — лютеранская церковь служила только преддверіемъ. Къ тому же пасторовъ, пользовавшихся любовью и довѣріемъ народа, въ то время было немного. Подавленіе гернгутерства, къ которому, какъ мы видѣли выше, принадлежало огромное количество мѣстнаго населенія, состоявавшего изъ вліятельнѣйшихъ лицъ, не могло не вызвать ропота населенія на лютеранскую церковь, такъ какъ благодаря ей проискамъ, гернгутерскія общины были выставлены передъ правительствомъ какъ общины съ демократическимъ направленіемъ. Другимъ крупнымъ источникомъ недовольства мѣстнаго населенія своимъ положеніемъ

было его сельскохозяйственное положеніе. Въ 1819 г. крестьяне Лифляндской губерніи объявлены были свободными отъ крѣпостной зависимости. Все улучшеніе крестьянина при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости состояло въ томъ, что онъ считался лично свободнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ лишался права на помощь и поддержку со стороны помѣщика. Первая потребность въ насущномъ кускѣ хлѣба заставляла крестьянина снова закабалить себя помѣщикъ; все, чѣмъ располагалъ крестьянинъ до сихъ поръ, принадлежало и теперь помѣщику, только онъ самъ не принадлежалъ ему. Въ силу этого помѣщикъ уже не обязанъ былъ помогать ему, кормить его, хотя бы онъ умиралъ съ голоду; помѣщикъ дѣлалъ ему одолженіе только на извѣстныхъ и взаимныхъ условіяхъ; слѣдовательно, чѣмъ сильнѣе крестьянинъ чувствовалъ нужду, тѣмъ болѣе помѣщикъ могъ вынудить у него обязательствъ за сдѣланное ему одолженіе. При отдачѣ крестьянамъ земли на оброкъ и при назначеніи повинностей, помѣщикъ не ограничивался никакими узаконенными правилами, договаривался — сказано было въ крестьянскихъ положеніяхъ — полюбовно.

Такое положеніе ставило крестьянина въ несравненно большую зависимость отъ землевладѣльцевъ, чѣмъ прежде крѣпостное. Помѣщикъ былъ вправѣ отказать оброчнику до истеченія срока контракта, въ случаѣ важнаго нарушенія контракта. Но какъ опредѣлить важность нарушеній? По уговору, крестьянинъ обязанъ

держатъ хозяйственныя зданія въ исправности. Случилась суровая и продолжительная зима, не хватило корма скотинѣ, — крестьянинъ тащитъ солому съ кровли — гдѣ она свѣжѣе — и даетъ голодающей скотинѣ; пріѣзжаетъ помѣщикъ, заявляетъ достаточное основаніе отказа, и къ Егорьеву дню выдворяетъ крестьянина. Далѣе было такое положеніе: „оборочникъ не имѣетъ права расчищать и запахивать болѣе $\frac{1}{24}$ доли кустарника.“ У крестьянина астролябія измѣнила, и линия на другомъ концѣ пошла на нѣсколько футовъ правѣе или лѣвѣе, чѣмъ слѣдовало; управляющій или помѣщикъ уличили оборочника: вотъ и важное нарушеніе контракта. Это не предположенія, но сотнями примѣровъ подтвержденные факты. Кто хотѣлъ, тотъ всегда могъ найти такія важныя нарушенія; недостатка въ побужденіяхъ къ тому не было: каждый слѣдующій оборочникъ обыкновенно бралъ на себя болѣе выгодныя для землевладельца обязательства, такъ какъ, вслѣдствіе привязанности латышей къ сельскому хозяйству, оборочные участки съ каждымъ слѣдующимъ оборочникомъ расширялись и улучшались. Кромѣ мірскаго суда, т. е. волостнаго, весь личный составъ крестьянскихъ судебныхъ инстанцій избирался изъ мѣстныхъ дворянъ, именно: въ приходскомъ судѣ — предсѣдатель, въ уѣздномъ — предсѣдатель и два засѣдателя, въ крестьянскомъ отдѣленіи гофгериха — предсѣдатель, резидирующій ландратъ, ландраты, члены гофгерихта; во всѣхъ инстанціяхъ не было ни одного члена по назначенію правительства. Канцеляріи присутствен-

ныхъ мѣстъ также были въ рукахъ дворянства; ни одно изъ учрежденій по дѣламъ крестьянъ не подлежало прокурорскому надзору. Члены приходского суда изъ крестьянъ и засѣдатель въ уѣздномъ судѣ обыкновенно изъ страха, или благоговѣнія передъ предсѣдателемъ-дворяниномъ, были безгласны. Старшина, предсѣдатель и члены мірскаго суда выбирались мірскимъ сходомъ изъ крестьянъ, но вотчинное управленіе — по крестьянскому положенію — могло забраковать до пяти разъ выборы (пять забраковокъ должны же были вразумить крестьянъ, кого слѣдуетъ избрать въ члены мірскаго суда). Засѣданія мірскаго суда происходили, по закону, на господскомъ дворѣ; постановленія мірскаго суда поступали на просмотръ въ вотчинное управленіе; словомъ, мірскіе сходы, старшины, мірской судъ находились во власти вотчиннаго управленія, которое сверхъ того пользовалось весьма широкою полицейскою властью. Латыши твердо вѣрили въ поговорку: „kas uhdeni us taukeem dos“ (развѣ можетъ вода стать выше жира), и на всякое предложеніе искать права судебнымъ путемъ отвѣчали вышеприведенною поговоркою, и разумно поступали: не приходилось каяться въ тратѣ времени и платить судьямъ.

Отношеніе крестьянъ къ церкви и пасторамъ было слѣдующее: для содержанія пасторовъ и церкви назначены были обязательные сборы и повинности; кромѣ платы за требы, за переслушиваніе дѣтей, за конфирмацію, за оглашеніе и пр., крестьяне обложены были

въ пользу пасторовъ барщиною, оброками: хлѣбомъ, овцами, курами, яйцами, перчатками, носками, шерстью, льномъ, пряжею и пр.; половина расходовъ на постройку, ремонтъ, починку церквей, пасторскихъ и кистерскихъ квартиръ покрывалась крестьянами, половина — помѣщиками. Пасторскія и кистерскія земли, къ которымъ не приписаны были крестьянскіе дворы, воздѣлывались рабочими, поставляемыми отъ прихода. Сельскіе промышленники: корчмари, мельники, дворовые люди обложены были подушнымъ сборомъ въ пользу пасторовъ. Отношенія пасторовъ къ крестьянамъ, жившимъ на принадлежавшихъ церквамъ земляхъ, были такія же, какъ отношенія помѣщиковъ. О какой либо другой власти, помимо власти дворянъ и пасторовъ, власть которыхъ считалась неограниченною никакими законами, крестьянинъ не имѣлъ почти никакого понятія.

Такимъ образомъ всѣ условія жизни крестьянина, какъ нравственныя, такъ и матеріальныя, были таковы, что не могли не вызывать крайняго недовольства своимъ положеніемъ и сильнаго желанія выйти изъ него. О русскомъ Царѣ онъ имѣлъ слѣшкомъ смутное представленіе. Онъ не имѣлъ понятія о царѣ-батюшкѣ, именемъ котораго многомилліонная русская семья утѣшаетъ себя въ тяжелую минуту и отъ котораго ожидаетъ себѣ помощи и облегченія въ несчастіи. Повсюду толковали, что русскій царь хочетъ облегчить участь народа, но что этому препятствуютъ нѣмцы. Свѣдѣнія о царѣ-батюшкѣ приносились случайно, изрѣдка возвратившимся

солдатомъ, прослужившимъ отъ 25 до 30 лѣтъ въ русскомъ войскѣ, или русскимъ коробейникомъ*). И въ годину бѣдствій надежды здѣшняго крестьянина инстинктивно обращались къ Тому, Кто одинъ могъ помочь ему. Слухи, оправдываемые фактами, о милосердіи русскаго царя, добротѣ русскаго епископа (Иринарха), вѣсти о томъ, что хлѣбъ, отпускаемый народу въ голодное время, отпускался царемъ, казною, (народъ сливалъ понятіе „царскій“ съ понятіемъ „казенный“, что выражается словомъ „*кронисъ*“ — казна, корона), побуждали народъ приписывать эти черты добродѣтели вліянію *русской вѣры*. Неудивительно поэтому, что средствомъ къ сближенію съ царемъ народъ избралъ *вѣру царскую, русскую*. Ко всему этому прибавимъ еще трехлѣтній (1838, 1839 и 1840 годы) неуроджай въ Лифляндш, за неурожаемъ — голодъ и повальную бѣлѣзнь. Крестьяне просили хлѣба отъ помѣщиковъ, но и у послѣднихъ оставалось его мало, нужно было приберечь для себя, они поневолѣ отвѣчали отказомъ; крестьяне обратились къ губернскому начальству, но и оно оказывалось безсильнымъ помочь умирающимъ съ голоду, да если бы и можно было гдѣ-либо получить еще хлѣбъ, то — при путяхъ сообщенія того времени — его не скоро можно было доставить голодающимъ. Что начать? какъ выйти изъ отчаяннаго положенія? Въ такую тяжелую минуту, когда, какъ говорить пословица, — утопающій за соломинку хватается, — рождаются всевозможные слухи,

*) Сбор. матер. по ист. Приб. кр. стр. 575.

растутъ, измѣняются и истолковываются въ смыслѣ желаній и ожиданій. Стали носиться слухи о томъ, что гдѣ-то, въ теплой землѣ (*siltâ semê*), гдѣ хлѣба и всего въ изобиліи, можно получить землю . . . , что царь издалъ приказъ надѣлять тамъ латышей землею Чего лучше? . . . нужно поспѣшить туда. Толпы крестьянъ со многихъ мѣстъ Лифляндіи потянулись въ Ригу, въ надеждѣ хоть на время найти себѣ кусокъ хлѣба и просить генераль-губернатора о переселеніи ихъ въ „теплую землю“.

Но этимъ крестьяне затронули самое больное мѣсто прибалтійскихъ землевладѣльцевъ. При освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, для землевладѣльцевъ однимъ изъ существеннѣйшихъ пунктовъ было Высочайше утвержденное положеніе о недозволеніи крестьянамъ выселяться за предѣлы губерній, въ которыхъ они жили: земля съ рабочею силою — сокровище, безъ нея — ничто; чѣмъ больше рабочихъ рукъ, тѣмъ ниже заработная плата, и наоборотъ. Вотъ почему прибалтійская администрація, во главѣ съ генераль-губернаторомъ, горячо и энергично взялась за противодѣйствіе этому желанію крестьянъ. Въ Ригѣ крестьянъ били палками, брили имъ головы и отсылали домой*).

9 іюня 1841 г. толпа крестьянъ, измученныхъ голодомъ, бродя по городу и прося подаянія, забрела въ архіерейское подворье къ преосвященному Иринарху,

*) Отношеніе ген.-губ. къ Мин. Вн. Д. отъ 13 іюля 1841 г. за № 670; отношеніе его же отъ 18 іюля 1841 г. за № 701. Мат. ист. Приб. края стр. 569.

прося ходатайства съ его стороны о переселеніи ихъ въ теплую землю. Крестьяне, между прочимъ, жаловались, что помѣщики ихъ не кормятъ. Преосвященный былъ тронутъ жалкимъ положеніемъ крестьянъ, обласкалъ ихъ, разспросилъ ихъ объ ихъ положеніи, приказалъ дать всѣмъ по ломтю хлѣба и по нѣскольکو копѣекъ на дорогу, утѣшалъ ихъ вѣрою и надеждою на помощь Божію, объяснилъ имъ, что онъ не для того поставленъ епископомъ, чтобы переселять народъ изъ одной губерніи въ другую или принимать жалобы на помѣщиковъ, и совѣтовалъ имъ возвратиться домой, приняться за работу и слушаться помѣщиковъ*). Приходя за милостынею къ преосвященному, крестьяне стали приносить и письменныя прошенія, въ которыхъ просили его ходатайствовать о переселеніи ихъ изъ Лифляндіи; вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые просили принять ихъ въ *царскую вѣру, русскую вѣру*. Такого содержанія прошеній, съ 9 іюня по 2 августа, поступило 30 отъ имени нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ. Прошенія эти преосвященный отсылалъ Оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, а послѣдній представлялъ ихъ въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ. Министерство, желая получить вѣрныя свѣдѣнія о причинахъ броженія, возникшаго между лифляндскими крестьянами, командировало довѣренныхъ чиновниковъ (подъ руководствомъ колл. сов. Кузьминскаго), которымъ поручено было удостовѣриться, почему именно крестьяне

*) Такое отношеніе преосв. Принарга къ крестьянамъ было засвидѣтельствовано гражданскимъ губ., барономъ Фелькерзамомъ.

просить выселенія и желаютъ присоединиться къ православію. Дознанія засвидѣтельствовали, что желаніе выселенія зависитъ единственно отъ неудовлетворительнаго экономическаго быта крестьянъ, но не отъ злоумышленныхъ подстрекательствъ. Тогда, по распоряженію генераль-губернатора, барона Палена, была составлена особая комиссія подъ руководствомъ уѣзднаго депутата Гагемейстера, для изслѣдованія на мѣстѣ причинъ, волновавшихъ крестьянъ. Комиссіи предписано было побывать въ 14 имѣніяхъ Маріенбургскаго прихода (Валкскаго уѣзда), откуда прежде всѣхъ появились въ Ригу крестьяне, и въ 29 имѣніяхъ Валкскаго и Венденскаго уѣздовъ. Комиссія донесла, что злой духъ упорства распространился по всей странѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ глухое смятеніе, которое уже обнаруживается угрозами явнаго возмущенія, кровопролитія и опустошенія. Впослѣдствіи однако оказалось, что ничего подобнаго отъ крестьянъ ожидать нельзя было. Это было не что иное, какъ симптомы отчаянія въ виду грозившей народу голодной смерти. Изъ вышеприведеннаго доклада комиссіи видно, что никакихъ подстрекательствъ со стороны православнаго духовенства нигдѣ открыто не было.

Сострадательное и человѣколюбивое обращеніе епископа Иринарха съ несчастными крестьянами, встрѣчавшими у всѣхъ другихъ сановниковъ укоризны, угрозы, наказанія, не могли не поразить крестьянъ, особенно въ такомъ отчаянномъ положеніи. Они стали съ восторгомъ рассказывать встрѣчному и поперечному о человѣко-

любви, доброты и милосердия русскаго епископа, не подозревая, конечно, что этимъ они готовятъ непріятности и горе русскому епископу. Слухи о доброты и милосердіи русскаго епископа побуждали крестьянъ все чаще и чаще обращаться къ нему за подаваніями и въ тоже время подавали лифляндской администраціи поводъ сваливать причины безпокойствъ въ крестьянской средѣ на православное духовенство: родилось опасеніе, что народъ, дѣйствительно, обратится въ православную вѣру, и тогда всякая связь нравственная между помѣщиками и крестьянами будетъ порвана. И въ самомъ дѣлѣ, теплыя чувства, вызванныя благотворительностью преосвященнаго Иринарха въ душахъ крестьянъ — латышей въ несчастную годину, подкрѣпляли въ крестьянахъ желаніе духовно породниться съ епископомъ; со стороны крестьянъ сдѣланы были епископу заявленія о желаніи ихъ принять православную вѣру. Насколько это желаніе крестьянъ было удобоисполнимѣе, чѣмъ первое (переселеніе въ теплую землю), и насколько оно было опаснѣе для прибалтійскаго дворянства, настолько энергичнѣе нужно было приняться дворянству за мѣры къ противодействию. Предписано было крестьянъ, идущихъ въ Ригу, хотя бы съ единственною цѣлью просить о принятіи ихъ въ царскую вѣру, задерживать, а губернскому правленію предписано было кромѣ того брить задержаннымъ головы, заковывать въ кандалы, отправлять ихъ на мѣста жительства съ конвоемъ, и тамъ, въ присутствіи ихъ общинъ, строго наказывать ихъ

розгами*). Несмотря, однако, на такія строгія мѣры, приходъ крестьянъ въ Ригу цѣлыми толпами — теперь уже единственно съ просьбою о принятіи ихъ въ *царскую вѣру* — все усиливался. Генераль-губернаторъ Паленъ приказалъ разставить по дорогамъ около Риги полицейскихъ чиновниковъ съ солдатами. Последнимъ было приказано удерживать и возвращать идущихъ въ городъ крестьянъ, а упрямыхъ наказывать на мѣстѣ. Въ то же время генераль-губернаторъ Паленъ потребовалъ, чтобы епископъ не принималъ отъ крестьянъ никакихъ просьбъ**) и не записывалъ ихъ ни самъ, ни чрезъ священниковъ***). Епископъ отвѣчалъ, что крестьянъ ни у него, ни у священниковъ никто больше не записываетъ, что онъ предписалъ своимъ подчиненнымъ не принимать, да и самъ не будетъ принимать даже такихъ просьбъ, въ которыхъ заключается только одно желаніе присоединиться къ православію. Тогда же, по ходатайству генераль-губернатора Палена, оберъ-прокуроръ св. Синода объявилъ епископу Высочайшее повелѣніе¹⁾ не принимать никакихъ просьбъ; вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было генераль-губернатору доставить епископу доказательства, что священники не только запи-

*) Отношеніе Министру В. Д. отъ 5 августа 1841 г. за № 768. Сбор. мат. стр. 571.

**) Отношеніе Министру В. Д. отъ 5 августа 1841 г. за № 768.

***) Отношеніе рижск. еп. къ ген.-губ. отъ 10 августа 1841 г. за № 951. Сбор. матер. стр. 575.

¹⁾ Отн. Оберъ-прокур. къ гр. Строганову отъ 18 авг. 1841 г. за № 5413. Сбор. мат. по ист. Приб. кр. стр. 571.

сывали крестьянъ, но и сочиняли для нихъ прошенія. Такихъ доказательствъ епископу не было представлено: ихъ неоткуда было взять.

Наконецъ въ Петербургѣ начали понимать истинную причину крестьянскихъ волненій въ Лифляндіи. Графъ Строгановъ въ отношеніи своемъ отъ 16 авг. за № 2646*) совѣтуетъ барону Палену обратить особенное вниманіе на бѣдность крестьянъ, а статсъ секретарь Танѣевъ сообщилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ Высочайшее повелѣніе обратить строгое вниманіе генералъ-губернатора, барона Палена, на предметъ жалобъ крестьянъ, на недостатокъ продовольствія**) Но волненія не прекращались, притомъ самый предметъ требованій крестьянъ измѣнился: прежде требовали хлѣба, переселенія въ теплую землю, нѣкоторые и православія, а теперь крестьяне Вольмарскаго, отчасти Рижскаго уѣздовъ, просили, чтобы земли, обрабатываемыя ими за барщину, обращены были въ ихъ собственность. Это было признано посягательствомъ на дворянскую собственность. Двѣ роты солдатъ были посланы для усмиренія крестьянъ. Изъ Петербурга присланы были два флигель-адъютанта, полковникъ Бутурлинъ и князь Урусовъ. Несмотря, однако, на то, что генералъ-губернаторъ Паленъ въ донесеніи своемъ, вслѣдствіе котораго прибыли въ Лифляндію упомянутые флигель-адъютанты, причиною вол-

*) Сбор. мат. стр. 572.

**) Отн. Танѣева отъ 20 авг. 1841 г. за № 877. Сбор. мат. стр. 572.

ненія крестьянъ выставилъ исключительно требованіе земли, все же онъ не переставалъ предъявлять требованія о необходимости запретить епископу приѣмъ крестьянъ.

Изъ этого ясно видно, сколь опаснымъ казалось для остзейскаго дворянства сближеніе крестьянъ съ православіемъ. . . . Флигель-адъютантъ Бутурлинъ просилъ награды тѣмъ лицамъ изъ низшаго сословія, которыя увѣщевали крестьянъ безропотно повиноваться помѣщикамъ и отказаться отъ желанія принять православіе*). Правительство даетъ агентамъ лютеранской партіи деньги и медали, а Лифляндское губернское правленіе публикуетъ объ этомъ печатно между крестьянами (изъ бумагъ преосвященнаго Веніамина, епископа Рижскаго и Митавскаго). Наконецъ самъ генералъ-губернаторъ, баронъ Паленъ, хотя косвенно, засвидѣтельствовалъ, что причиною крестьянскихъ движеній было не подстрекательство православнаго духовенства, а положеніе вольнаго договора при заключеніи контрактовъ между помѣщиками и крестьянами, и засвидѣтельствовалъ именно тѣмъ, что ссылаясь на желаніе самихъ дворянъ испросить разрѣшенія обсудить этотъ пунктъ на ландтагѣ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, докладывая объ этомъ Государю Императору, замѣтилъ, что не только всѣ просьбы и жалобы крестьянъ, но и самое желаніе дворянъ, о которомъ докладывалъ генералъ-губернаторъ, доказываютъ, что причина крестьянскихъ движеній скрывается не въ

*) Отвѣтъ Таиѣва отъ 6 окт. 1841 г. за № 1484. Сбор. мат. стр. 573.

проискахъ православнаго духовенства, а въ экономическомъ положеніи крестьянъ. Государь Императоръ выразилъ полное согласіе съ этимъ взглядомъ и приказалъ поставить это на видъ генералъ-губернатору*). Теперь можно было подумать, что православное духовенство будетъ оставлено въ покоѣ. Но отношеніемъ отъ 6 октября за № 1057**) баронъ Паленъ увѣдомилъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ графа Строганова, что шефъ жандармовъ, графъ Бенкендорфъ, лично поручилъ ему всѣ дѣла по этому предмету, требующія Высочайшаго разрѣшенія, отправлять не къ нему, Министру Внутреннихъ Дѣлъ, а прямо въ 3-ье отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, состоящей подъ управленіемъ шефа жандармовъ. Затѣмъ исходатайствовано было повелѣніе объ удаленіи епископа Иринарха изъ Риги.

Баронъ Паленъ приказалъ выдать подорожную не на имя епископа, а на имя Скрипицына, чиновника, присланнаго изъ Св. Синода для сопровожденія епископа во Псковъ, чтобы тѣмъ официально заявить, что епископъ высылается съ конвоемъ. Но г. Скрипицынъ, желая придать поѣздкѣ епископа видъ добровольной, временной отлучки викарнаго къ своему архіепископу, настоялъ на томъ, чтобы подорожная была выдана на имя епископа Иринарха. На запросъ Скрипицына, какимъ путемъ преосвященный можетъ безопасно, т. е. не воз-

*) Отн. Танѣева отъ 25 сент. Сбор. мат. стр. 573.

**) Сбор. мат. стр. 573.

буждая волненія въ народѣ, прослѣдовать во Псковъ, баронъ Паленъ назначилъ путь чрезъ Митаву и Вильну.

Такимъ образомъ энергическими мѣрами генералъ-губернатора, барона Палена, и прибалтійскаго дворянства, въ рукахъ котораго исключительно находилась вся административная, полицейская и судебная власть, движеніе въ пользу православія въ 1841 г. было подавлено. Оно обнаружилось вторично въ 1845 г., но уже при обстоятельствахъ, гораздо болѣе неблагопріятныхъ для православія.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію исторіи и результатовъ второго движенія, слѣдуетъ сказать о религіозномъ настроеніи латышей и эстовъ въ разсматриваемое время. Католичество въ Ливоніи было замѣнено лютеранствомъ совершенно незамѣтно для народа. Была борьба между прежнею и новою религіею, но только въ городахъ — въ средѣ купцовъ, ремесленниковъ и чиновниковъ, нѣмецкой народности, исконныхъ католиковъ, гдѣ католическое духовенство было сильно, гдѣ у него была поддержка въ монашескихъ орденахъ и чѣмъ больше, многолюднѣе былъ городъ, тѣмъ ожесточеннѣе была борьба; въ сельскомъ населеніи ея совсѣмъ не было. То же лицо, которое въ предыдущее воскресенье совершало мессу во имя истинности католичества, въ слѣдующее воскресенье совершало ее во имя истинности Лютерова ученія, или же — по распоряженію рыцарей, мѣстныхъ землевладѣльцевъ — католическій священникъ, не соглашавшійся совершать службу по новому

обряду, во имя истинности лютеранства, устранялся и замѣнялся лицомъ, соглашавшимся исполнить волю владѣтелей. Тогда ни рыцари, ни предки нынѣшнихъ пасторовъ не считали нужнымъ задаваться вопросомъ, искренно ли латыши и эсты принимаютъ лютеранство, или неискренно. Рыцари, обрекшіе себя на безбрачную жизнь, имѣли сильное побужденіе замѣнить католичество лютеранствомъ, потому что послѣднее снимало съ нихъ обѣтъ безбрачія и давало право вступать въ законный бракъ. Тѣми же побужденіями руководилось и большинство духовенства, согласившееся принять лютеранство.

Если бы въ 1841 г. русское правительство рѣшилось послѣдовать вышеизложенному образу дѣйствій ливонскихъ рыцарей и, внявъ голосу лифляндскихъ крестьянъ, просившихъ позволенія принять *царскую вѣру*, приказало объявить латышамъ: „вы хотите исповѣдывать царскую (русскую) вѣру, — это угодно Богу и желательно царю,“ и если бы у правительства было наготовѣ достаточное число Баллодовъ, Рейнгаузеновъ, Поляковыхъ, Михайловыхъ . . . , которые тотчасъ могли бы замѣстить въ киркахъ пасторовъ, результаты были бы тѣ же, какіе были при замѣнѣ католичества лютеранствомъ. Всѣ броженія въ народѣ, борьба разныхъ сектъ были бы разъ навсегда пресѣчены. Образъ дѣйствій правительства не имѣлъ бы и тѣни того своекорыстія, какимъ руководилось ливонское рыцарство, замѣняя католичество лютеранствомъ. Въ послѣднемъ случаѣ народъ не высказалъ желанія мѣнять вѣру, не былъ даже спрошенъ

о томъ. Тамъ перемѣна религіи не принесла никакой пользы, ни нравственной, ни политической. А какое неизмѣримое благо нравственное и политическое принесла бы народу замѣна въ 1841 г. лютеранства православіемъ! Народъ не подпалъ бы нравственному и умственному вліянію людей, не обладающихъ настолькоъ благоразуміемъ, чтобы подавить въ себѣ самолюбіе, отрѣшиться отъ настоящаго, обратить свой взоръ на отдаленное будущее и сообразить, какую горькую чашу и на сколько поколѣній готовятъ они народу, за благо котораго они — будто-бы — ратуютъ. Съ помощью угрозъ, застрачиванія, наказаній, движеніе въ пользу православія въ 1841 г. было подавлено прибалтійскими властями. Наступило затишье, но это не значило, что народъ отказался отъ намѣренія искать „царской вѣры.“ Лютеранская церковь и прибалтійское дворянство вполне оцѣнили опасность, какая грозитъ имъ, если крестьяне перейдутъ въ православіе. Началась усиленная дѣятельность лютеранскаго духовенства и лютеранскихъ властей во всѣхъ ея родахъ и видахъ. Вольмарскій пасторъ Вальтеръ, своею проповѣдью на текстъ: „когда спали пастыри, пришли волки,“ старался побудить лютеранское духовенство къ работѣ противъ православія. Излюбленною темою, которую пасторы исчерпывали на всѣ манеры и лады, со всевозможными аллегоріями, на церковныхъ кафедрахъ, при объѣздѣ волостей для переслушиванія дѣтей и записи причастниковъ, на конфирмаціяхъ, на предбрачныхъ оглашеніяхъ

и т. д., и т. д., служилъ текстъ: „бойтесь волковъ, приходящихъ къ вамъ въ овечьей шкурѣ.“ Кто были эти волки, нападавшіе на овецъ, когда пастыри предавались сну, кто были волки въ овечьихъ шкурахъ, гробы поваленные и т. д., это, разумѣется, давали понять народу; заставляли крестьянъ, положивъ руку на біблію, произносить клятву, что они не пойдутъ въ русскую вѣру (Руенскій пасторъ Бергманъ). Мѣры, придуманныя однимъ пасторомъ, сообщались другимъ для свѣдѣнія.

Школы, которыхъ по, Высочайше утвержденному положенію, должно было быть на каждую тысячу душъ по одной, числились по большей части только на бумагѣ. Конечно, создать немедленно школы нельзя было; но тутъ нетрудно было найти исходъ: помѣщики, арендаторы помѣчьихъ имѣній съ готовностью открывали для этой цѣли помѣщенія въ мызныхъ пристройкахъ. Не такъ легко было создать учителей. Но и тутъ нашли исходъ: стали осуществлять на дѣлѣ положеніе, по которому каждая волость должна воспитывать на общественный счетъ съ извѣстнаго числа душъ мальчика на должность волостного писаря. Но должность писаря преимущественно замѣщалась управляющими имѣніями, а изъ воспитываемыхъ на общинный счетъ мальчиковъ образовали учителей. Всѣ усилія воспитателей были направлены къ тому, чтобы вселить въ юныя сердца непоколебимое благоговѣніе ко всему нѣмецкому и пренебреженіе ко всему русскому. Первымъ актомъ такого онѣмеченія было — тотчасъ при первой записи учениковъ въ книгу

— измѣненіе ихъ крестнаго имени на нѣмецкій ладъ и переводъ фамиліи на нѣмецкій языкъ, и получалось вмѣсто „Густъ Лѣпинъ“ — „Августъ Линденбаумъ“, вмѣсто „Янисъ Озолинъ“ — „Іоганнъ Эйхе“, вмѣсто „Сприцкъ Калнинъ“ — „Фридрихъ Бергъ“, вмѣсто „Индрикисъ Берзинъ“ — „Генрихъ Биркъ“ и. т. д. Строжайше запрещалось мальчикамъ называть другъ-друга прежними именами и фамиліями. Если же мальчики забывались — произносили имена и фамиліи попрежнему, то воспитатели или другіе мальчики презрительно передразнивали и пристыжали провинившихся. Лишь только мальчики мало-мальски въ сплахъ были объясняться на нѣмецкомъ языкѣ, какъ уже запрещали имъ говорить на родномъ языкѣ. Отпуская мальчиковъ въ родительскій домъ, наставляли, какъ имъ вести себя дома — съ степенностью и достоинствомъ, внушали имъ, что для нихъ теперь уже не пристойно вести компанію съ „бауеръ-юнгамъ“ (мужицкими мальчиками). Методъ онѣмеченія избранъ былъ удачно и разсчитанно. Ученикъ, пробывшій три-четыре недѣли въ школѣ и привезенный потомъ въ родительскій домъ, не откликался уже на зовъ бывшихъ своихъ сверстниковъ, братьевъ, сестеръ и домашнихъ, если его звали прежнимъ именемъ и фамиліей. Само собою понятно, что первоначально въ учителяхъ былъ недостатокъ. И вотъ, сдѣлали наличныхъ учителей странствующими, т. е. одному учителю вручалось отъ трехъ до шести волостей, и онъ обучалъ дѣтей въ каждой волости по одному или по два дня въ недѣлю, при чемъ

всѣ дѣти изъ подлежащей волости въ опредѣленные дни собиравлись въ назначенное помѣщеніе. Въ то же время какъ помѣщики, такъ и пасторы, сбросивъ прежнюю заносчивость и гордость, всеми мѣрами старались ласкать, задабривать, приближать къ себѣ болѣе вліятельныхъ и зажиточныхъ крестьянъ, какъ то: церковныхъ формидеровъ, старшинъ, членовъ волостного правленія, болѣе выдающихся хозяевъ и. т. д. Это принесло германизаторамъ большую пользу: при вторичномъ порывѣ народа къ православію дало лютеранскому духовенству и дворянству усердныхъ и вліятельныхъ помощниковъ для подавленія движенія въ пользу православія. Въ то же время лютеранское духовенство, усердно работая надъ тѣмъ, чтобы подавить всякую рознь, могущую вызвать повтореніе 1841 года, настойчивѣе повело борьбу и съ гернгутерствомъ. Несмотря на гоненія, гернгутерство не только не притихало, но росло съ новою силою. Среди гернгутеровъ въ Венденскомъ уѣздѣ большою извѣстностью пользовался Давидъ Баллодъ. Онъ имѣлъ большое вліяніе на среду, въ которой жилъ. Занимая общественныя должности въ волости, онъ служилъ своимъ собратьямъ примѣромъ честности, трудолюбія, скромности и набожности. Но преслѣдованія мѣстнаго пастора, ожесточеннаго врага гернгутеровъ и клеветовъ его, довели Баллода до того, что онъ вынужденъ былъ удалиться изъ родины. Онъ переселился въ Ригу. Городскіе латыши скоро узнали о переселеніи въ Ригу знаменитаго проповѣдника. Неотступныя просьбы го-

родскихъ гернгутеровъ-латышей заставили его открыть молитвенный домъ на Петербургскомъ предмѣстьѣ, неподалеку отъ православной Покровской церкви. Начались собранія, которыя имѣли характеръ церковнаго богослуженія. Понятно, что лютеранское духовенство не могло отнестись равнодушно къ такого рода собраніямъ. Начались препирательства и раздоры.

Въ началѣ 1842 г. прибылъ въ Ригу преемникъ преосвященнаго Иринарха, викарный епископъ Филаретъ*).

Въ первые три года управленія преосвященнаго Филарета викаріатствомъ объ обращеніяхъ латышей въ православіе ничего неизвѣстно. Въ декабрѣ 1844 г. молитвенный домъ Баллодовой общины былъ закрытъ по распоряженію полиціи. Тогда Баллодъ со 120 гернгутерами 24 января 1845 г. обратился къ преосвященному Филарету съ просьбою присоединить ихъ къ православію, съ тѣмъ, чтобы для нихъ устроена была особая церковь, гдѣ богослуженіе совершалось бы на

*) Епископъ Филаретъ (Гумилевскій) родился въ 1805 г. въ Тамбовской губерніи, въ деревнѣ Конобѣевкѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Образованіе свое онъ закончилъ въ Московской Духовной академіи. Еще до окончанія курса постригся въ монахи. Служилъ въ той же академіи бакалавромъ, инспекторомъ, наконецъ ректоромъ. Отличался неутомимою дѣятельностью въ области богословскихъ и церковно-историческихъ наукъ; былъ многосторонне образованный и глубоко-ученый мужъ — докторъ богословія, дѣйствительный членъ общества исторіи и древностей Россійскихъ, — Копенгагенскаго общества древностей, почетный членъ Императорскихъ университетовъ — Харьковскаго и Московскаго и духовныхъ академій — Кіевской, Петербургской и Московской. Высочайшимъ указомъ, отъ 7 октября 1851 г., преосвященный Филаретъ былъ назначенъ Рижскимъ епископомъ, викаріемъ Псковскаго архіепископа.

латышскомъ языкѣ, чтобы въ этой церкви допущенъ былъ органъ, скамьи для сидѣнія и разрѣшено общее пѣніе молитвъ. Преосвященный, убѣдившись, что просители не разсчитываютъ на мірскія выгоды, объявилъ имъ, что богослуженіе на латышскомъ языкѣ можетъ быть допущено, но органы въ православной церкви не допускаются, скамьи же могутъ быть допущены вдоль стѣнъ для слабыхъ, больныхъ и престарѣлыхъ. Спустя мѣсяцъ 101 человекъ просителей, въ томъ числѣ и Баллодъ, представили преосвященному подписку, что они согласны принять православіе на предложенныхъ преосвященнымъ условіяхъ; кромѣ того 11 человекъ отдѣльно ходатайствовали у преосвященнаго о принятіи ихъ въ православную вѣру. „Въ началѣ марта 1845 г. прибалтійскій генералъ-губернаторъ, баронъ Паленъ, чрезъ шефа корпуса жандармовъ, графа Орлова, донесъ Государю Императору, что 11 человекъ жителей г. Риги лютеранскаго исповѣданія обратилось въ городскую полицію съ просьбою засвидѣтельствовать подписи ихъ на данной ими довѣренности для подачи прошенія рижскому епископу Филарету о присоединеніи ихъ къ православію и дозволеніи имъ совершать богослуженіе въ устроенной для сего православной церкви на латышскомъ языкѣ, что слухъ объ этомъ произвелъ уныніе между протестантами, которые опасаются — отъ допущенія при православномъ богослуженіи вмѣсто латышскаго языка другого — безпорядковъ для лютеранской церкви, и что удовлетвореніе упомянутаго домогательства

легко можетъ произвести волненіе, по примѣру бывшаго въ 1841 г., Государю Императору угодно было повелѣть сообщить барону Палену, что Паленъ придаетъ этому дѣлу болѣе важности, чѣмъ оно въ самой сущности представляетъ, что отказывать въ присоединеніи къ нашей церкви, при свободномъ изъясненіи желанія, противно нашимъ установленіямъ, и что, когда формы въ изъясненіи желанія по закону соблюдены, отказа быть не можетъ, что заводить особую церковь для сего не нужно и не должно, ибо служба православная по закону можетъ быть отправляема на всѣхъ языкахъ, и для сего въ существующихъ уже церквахъ для инородныхъ прихожанъ служба можетъ быть отправляема особо на ихъ языкѣ, что опасенія публики напрасны и излишни, тѣмъ болѣе, что изъясненія подобныхъ желаній не должны быть принимаемы за довѣренности, но лично отъ каждого желающаго присоединиться простое заявленіе, а потому и нѣтъ вѣроятія, чтобы число желающихъ присоединиться къ православію было велико. Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы упомянутымъ просителямъ разрѣшено было немедленно присоединиться къ православію, и для всѣхъ присоединившихся божественное служеніе отправляемо было въ одной изъ нашихъ церквей на ихъ языкѣ^{*)}.

Баллодъ съ товарищами былъ присоединенъ къ православію. Присоединеніемъ этой горсти латышей и положено было начало признаннаго официально обра-

*) Сборн. Мат. Ш. стр. 508.

щенія инородцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ въ православіе. Для совершенія богослуженія на латышскомъ языкѣ отведена была кладбищенская церковь Покрова Пресвятыя Богородицы. Первымъ латышскимъ священнослужителемъ былъ рукоположенъ бывшій управляющій Старо-Пебалгскаго имѣнія графа Шереметьева, Яковъ Михайловичъ Михайловъ, хорошо знавшій латышскій и нѣмецкій языки, а первымъ причетникомъ былъ назначенъ Давидъ Баллодъ. Тотчасъ же, подъ руководствомъ о. Я. Михайлова, были переведены на латышскій языкъ молитвословъ, литургія Златоуста, начатки христіанскаго ученія, краткій катехизисъ митрополита Филарета и молитвы, относящіяся къ литургіи. Слухъ о присоединеніи къ православію Баллода быстро распространился въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ его знали, и произвелъ необыкновенное впечатлѣніе. Съ того времени стали появляться въ Ригу и поселяне съ просьбами о принятіи ихъ въ православіе.

Въ это же время генералъ-губернаторъ, баронъ Паленъ, былъ замѣненъ Головинымъ, который прибылъ въ Ригу въ маѣ 1845 г. Головину Провидѣніе судило быть свидѣтелемъ движенія мѣстнаго населенія въ пользу православія, быть устроителемъ первыхъ православныхъ сельскихъ церквей. Заявленія о желаніи принять православіе со дня на день умножались. Стремленіе къ православію, начавшееся въ Ригѣ между рижскими гернгутерами въ 1845 г., въ этомъ году и слѣдующемъ 1846 г. распространилось сначала между крестьянами

Рижскаго и Вольмарскаго уѣздовъ, а затѣмъ обнаружилось въ уѣздахъ Венденскомъ, Валкскомъ, Дерптскомъ, Верроскомъ, Перновскомъ, Феллинскомъ, на о. Эзелѣ и Монѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ со стороны лютеранскихъ корпорацій, общественныхъ учреждений и мѣстныхъ властей придумывались и приводились въ исполненіе разныя мѣры противодѣйствія этому стремленію. Такъ напр., Рижское городское управленіе объявило, что принявшіе православіе будутъ лишены права быть вязчиками (льна) и занимать другія должности, въ которыхъ они состояли, будучи лютеранами, высылало принявшихъ православіе изъ города и т. д.

Полиція и гражданское начальство требовали, чтобы епископъ записывалъ къ принятію въ православіе только тѣхъ, кто предъявитъ паспортъ, чтобы епископъ предварительно докладывалъ по принадлежности о заявившихъ желаніе принять православіе. Но Министерство Внутреннихъ Дѣлъ предписало генераль-губернатору принять мѣры къ отмѣнѣ распоряженій, стѣсняющихъ право господствующей церкви принимать иновѣрцевъ, и объявить иновѣрному духовенству, что оно не имѣетъ права требовать свѣдѣній о желающихъ перейти въ православіе (предварительно, т. е. до принятія иновѣрцами православія), ибо для исключенія присоединившихся изъ иновѣрческой паствы православныя консисторіи — на основаніи послѣдовавшаго по комитету министровъ 10 февраля 1831 г. Высочайшаго повелѣнія — доставляютъ въ Департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій именныя вѣдомости о таковыхъ лицахъ.

Лютеранскія власти снова стали утверждать, что ходившіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глухіе толки о разныхъ льготахъ суть плоды подстрекательства со стороны православнаго духовенства, но никто изъ православныхъ священниковъ не былъ уличенъ въ подстрекательствахъ. Источника этихъ толковъ не находили не потому, чтобы его нельзя было открыть, а потому, что сами обвинители были виновниками ихъ. Вѣроятно же всего, что эти толки создавались намѣренно, съ цѣлю извлечь изъ нихъ надежное оружіе противъ стремленія народа къ православію; расчетъ оказался вѣрнымъ. Если же не допустить этого вѣроятія, то несомнѣнно можно сказать, что толки эти были естественнымъ, неизбежнымъ слѣдствіемъ поведенія мѣстныхъ властей. Вездѣ, при каждомъ случаѣ, когда дѣло шло объ обращеніи въ православіе, когда желающему принять православіе и въ голову не приходила мысль о мірскихъ выгодахъ, ему насильно навязывали эти мысли; съ запальчивостью, съ досадою, съ негодованіемъ, съ угрозами внушали ему: ты не долженъ надѣяться, ты не смѣешь рассчитывать, что тебѣ дадутъ то или другое, ты долженъ клятвенно заявить, что не будешь требовать ни того, ни того . . . Въ такомъ духѣ составлена и сама формула „показанія“, какое желавшій принять православіе долженъ былъ дать по двукратномъ испытаніи (т. е. истязаніи*). Показаніе 1: „Я, уѣзда NN, мызы NN,

1. Испытаніе это, въ самомъ дѣлѣ, было истязаніемъ: необразованному крестьянину или крестьянкѣ, особенно старикамъ и старухамъ, толково произнести эту форму. Въ случаѣ ошибки или замѣшательства испытываемаго, чиновникъ не допускалъ къ миропомазанію, — отсылалъ

кирки NN, деревни NN, крестьянинъ NN, по двукратномъ испытаніи, на вопросы показалъ, что желаю чисто-сердечно и отъ всей души изъ лютеранства присоединиться къ православію и въ ономъ пребывать навсегда; 2. что за таковое присоединеніе къ православію я не требую и не ожидаю отъ правительства никакихъ выгодъ и льготы отъ помѣщика, но присоединяюсь безусловно и только для спасенія души; 3. что по присоединеніи къ православію обязуюсь во всемъ безпрекословно повиноваться законнымъ властямъ, а помѣщику служить и работать по-прежнему; 4. что сіе показаніе обѣщаюсь и обязуюсь исполнять свято, въ притивномъ случаѣ подвергаюсь всей строгости законовъ и. 5. что церковную службу желаю слушать на латышскомъ языкѣ, на которомъ понимаю и знаю читать, въ удовольствіе чего и ставлю своеручно три креста.

Показаніе сіе отбиралъ NN при полицейскомъ чиновникѣ NN. Мало-мальски способный къ умозаключенію человекъ, замѣчая въ чиновникахъ (они и помѣщики) боязнь и опасеніе ихъ за цѣлость своей земли, выгодъ, приносимыхъ имъ крестьянами, поневолѣ приходилъ къ заключенію, что допрашивавшимъ дѣйствительно грозитъ опасность, именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ предлагались вопросы. Это обстоятельство и послужило

учиться; чрезъ часъ-два безтолковые ученики возвращались на репетицію . . . Слова опять путались; и испытаніе снова отсрочивалось на недѣлю и болѣе.

источникомъ толковъ о льготахъ сопряженныхъ будто-бы съ православіемъ. Что народъ въ вопросъ о религіи не руководился этими толками и не слѣпо относился къ религіи, можно судить по тѣмъ горячимъ спорамъ, которые велись въ народѣ о томъ, какаѣ вѣра лучше, какаѣ истинная. Въ пользу православной вѣры приводились обыкновенно слѣдующіе аргументы: а) что въ православной церкви, — какъ въ богослуженіи, такъ и при совершеніи таинствъ и обрядовъ — произносятся *сильныя* молитвы, какихъ нѣтъ въ лютеранскомъ богослуженіи; б) что русская вѣра ведетъ свое начало отъ Апостоловъ, учениковъ самого Іисуса Христа, а лютеранская существуетъ только 300 лѣтъ; в) что *русская* вѣра несомнѣнно истинная, потому что царь исповѣдуетъ *русскую* рѣру. Противъ этихъ двухъ послѣднихъ доводовъ возраженій обыкновенно не находили . . . Какъ бы то ни было несомнѣнно одно, а именно то, что причины первоначальнаго движенія латышей и эстовъ въ пользу православія скрываются въ томъ благоговѣніи, которое латыши и эсты, жившіе по близости къ русскимъ границамъ, съ поконъ вѣка питали къ православію. Еще задолго до сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія, жившіе по сосѣдству съ Псковскою губерніею и даже въ ея уѣздахъ, имѣли обыкновеніе передъ посѣвами и жатвами приглашать къ себѣ православныхъ священниковъ для служенія молебновъ, запасаться у нихъ святою водою и маленькими мѣдными образами, къ которымъ питали великое уваженіе.

Католическое духовенство, руководясь убѣжденіемъ, что богослуженіе должно быть совершаемо исключительно на латинскомъ языкѣ, не считало нужнымъ учпться языкамъ своихъ пасомыхъ, и, дѣйствительно, не знало ихъ; поэтому не могло уяснить народу истинъ вѣры и обрядовой стороны богослуженія. Ксендзы только изрѣдка объѣзжали страну, мѣстами совершая богослуженіе. Храмы были чрезвычайно рѣдки, — только въ замкахъ, да и то въ значительнѣйшихъ*) Этимъ и объясняется то обстоятельство, что лютеранство введено было совершенно незамѣтно для народа. Католическое духовенство было устранено; о назначеніи достаточнаго числа лютеранскаго духовенства рыцари мало заботились; сельскіе приходы оставались безъ пастырей: на три и болѣе приходовъ, отстоящихъ другъ отъ друга на нѣсколько миль, былъ одинъ пасторъ. Сверхъ того протестантское духовенство, получивъ сословную организацію, вовлечено было въ борьбу сословныхъ интересовъ, занялось спорами съ гражданами и дворянами о своихъ правахъ и доходахъ и оставляло народъ въ религіозномъ отношеніи въ пренебреженіи. Поэтому протестантское духовенство осталось столь же чуждо народу, какъ и дворянство; пасторъ въ глазахъ народа былъ помѣщикъ, на котораго онъ отбывалъ барщину и которому платилъ опредѣленный оброкъ натурою и деньгами за церковныя требы по установленной таксѣ. Къ этому прибавимъ еще высоко-мѣрное отношеніе пасторовъ къ своимъ пасомымъ: па-

*) Юр. Самаринъ т. VII. стр. 150.

сторы были преимущественно дворянскаго происхожденія, по національности-нѣмцы, тогда какъ ихъ пасомые были рабы, чуждые имъ по національности. Послѣдняго обстоятельства, т. е. гордаго отношенія къ народу, нельзя ставить пасторамъ въ вину: они были сыны своего вѣка; но народъ инстинктивно чувствовалъ это и не могъ не чувствовать нерасположенія къ своимъ пастырямъ, тѣмъ болѣе, что они предоставляли лежавшія непосредственно на нихъ религіозныя обязанности, какъ то: крещеніе дѣтей, похороны и т. д., крестьянамъ — форминдерамъ, звонарямъ и кюстерамъ. Назначеніе пастора въ то время зависѣло исключительно отъ помѣщиковъ. Поэтому, съ одной стороны, народъ не могъ чувствовать къ нимъ симпатій, какъ къ креатурамъ своихъ угнетателей, съ другой — пасторъ не могъ быть относительно своихъ пасомыхъ тѣмъ, чѣмъ онъ по своему званію долженъ былъ быть для нихъ, именно, покровителемъ угнетаемыхъ противъ угнетателей. Иначе сказать, интересы пасторовъ какъ по должности, такъ и по матеріальному положенію побуждали ихъ — во всѣхъ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ — становиться на сторону первыхъ. Вотъ что говоритъ Меркель, извѣстный знатокъ жизни Прибалтійскаго края, объ отношеніяхъ пасторовъ къ своимъ пасомымъ: „что сельскіе пасторы пренебрегаютъ наукою, пренебрегаютъ своими паствами, предаются даже порочной жизни; это встрѣчается и въ другихъ странахъ. Но гдѣ, гдѣ видано, чтобы духовные пастыри открыто выражали презрѣніе

ко ввѣреннымъ имъ пасомымъ? Гдѣ вступаютъ они въ союзъ съ дворянствомъ, чтобы тиранить своихъ пасомыхъ?*)“ Недостатокъ живой, нравственной связи между пастыремъ и пасомымъ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ; въ протестантской же церкви, гдѣ все основано на проповѣди и личномъ вліяніи проповѣдника на паству, гдѣ нѣтъ ни обрядовъ, ни образовъ символическаго богослуженія, безъ живой связи пасторовъ съ пасомыми религіозное воспитаніе становится даже невозможнымъ.

Что же касается вопроса объ ожиданіи крестьянъ съ переменною вѣрой улучшенія своего матеріальнаго положенія, то неразумно и противно законамъ природы человеческой было бы порицать народъ и бросать въ него грязью за то, что онъ, ища истинной вѣры въ Бога, въ то же время питалъ надежды на улучшеніе своего житейскаго положенія. Это было бы то же, что порицать человѣка, молящагося Богу и надѣющагося при этомъ, что Богъ будетъ спасать его отъ злосчастія и посылать ему благополучіе. Желаніе улучшенія тяжелаго положенія въ жизни прирождено человѣку; оно столь же естественно, какъ стремленіе найти истинную вѣру и нравственность. Отъ этого желанія не можетъ отрѣшиться и человѣкъ, матеріально во всѣхъ отношеніяхъ обезпеченный. Что же сказать о человѣкѣ, всѣми своими помыслами и потребностями прикованномъ къ землѣ, обреченномъ на ежедневный кровавый трудъ, едва спа-

*) Юрія Самарина т. VІІ. стр. 153.

сающій самого труженика отъ голода? Матеріальный міръ крестьянина, естественно, сливается съ духовнымъ. Принадлежность латыша и эста-крестьянина къ протестантской вѣрѣ выражалась въ зависимости его отъ пастора, который въ его глазахъ казался помѣщикомъ, такъ какъ отношенія его къ пастору опредѣлялись барщиною, такою за требы, и пасторъ относился къ крестьянину, если не съ гордостью и надменностью, то, по крайней мѣрѣ, безучастно; въ случаѣ угнетенія крестьянина помѣщикомъ, пасторъ становился всегда на сторону послѣдняго; православные же священники, хотя и не могли оказать имъ никакой помощи, никакого покровительства, по крайней мѣрѣ, они облегчали участь ихъ своимъ сочувствіемъ, словомъ утѣшенія.

Приведемъ здѣсь въ сокращенномъ видѣ воззрѣніе Головина на обращеніе латышей и эстовъ въ православіе, высказанное имъ во Всеподданнѣйшемъ отчетѣ по управленію Балтійскимъ краемъ. „Въ движеніи крестьянъ лифляндскихъ, и тѣмъ болѣе къ возбужденію ихъ перемѣнить вѣру, — говоритъ Головинъ, — въ мое время ни власть свѣтская, ниже православное духовное начальство, сколько то мнѣ извѣстно, по самымъ тщательнымъ розысканіямъ, нимало не содѣйствовало; напротивъ того, къ отклоненію ихъ отъ сего сдѣлано гораздо болѣе, чѣмъ законъ допускаетъ, и употреблены всѣ средства кромѣ рѣшительнаго запрещенія . . . Возникшее такимъ образомъ стремленіе латышей и эстовъ къ перемѣнѣ вѣры представляетъ въ исторіи Балтійскаго края

замѣчательное событіе. Здѣсь, съ одной стороны, дворянство старается удержать за собою преобладаніе надъ туземными племенами, съ которыми оно, по отмынѣ крѣпостного состоянія, нравственно соединено одною только религіею, съ другой стороны является закоренѣлая вѣками ненависть сихъ послѣднихъ къ своимъ господамъ, потомкамъ суровыхъ завоевателей края, и усиліе ихъ разорвать эту связь въ надеждѣ освободиться чрезъ то отъ чужеземнаго владычества, которое даже послѣ дарованія крестьянамъ личной свободы не устранило насильственного своего начала . . . А такъ какъ все управленіе земской полиціи находится въ рукахъ того же дворянства, имѣющаго въ виду однѣ только выгоды своего сословія, то крестьянамъ прегражденъ всякій путь къ жалобамъ на претерпѣваемыя ими отъ землевладѣльцевъ угнетенія и несправедливости. Въ такомъ стѣсненномъ положеніи латыши и эсты возымѣли надежду, что, принявъ вѣру *русскаго царя*, они откроютъ себѣ дорогу къ облегченію своей участи, и въ русскихъ священникахъ найдутъ защиту, которой не находили въ нѣмецкихъ пасторахъ, которые по своимъ отношеніямъ къ нимъ (крестьянамъ) были тѣ же помѣщики. Вотъ истинная причина, возбуждавшая въ природныхъ жителяхъ Лифляндіи такое сильное и всеобщее стремленіе перемѣнить вѣру, стремленіе, котораго никакія чуждыя подстрекательства не были бы въ состояніи произвести . . .

„Для прибалтійскаго дворянства религія служить только средствомъ къ удержанію латышей и эстовъ въ

чуждомъ для нихъ элементъ; ибо перемѣна религіи нисколько не измѣнила бы ни отношеній крестьянъ къ господамъ ихъ, вотчинникамъ, ни мѣстнаго образа управленія краемъ. Дворянство Балтійскаго нашего края — германскаго происхожденія — всемѣрно старается сохранить свою національность: оно этого не скрываетъ, да и причины нѣтъ скрывать. Это никогда не препятствовало членамъ онаго занимать высшія въ государствѣ должности и, по степени образованія своего, служить на военномъ и гражданскомъ поприщѣ сравнительно въ гораздо большемъ числѣ, а весьма часто съ большимъ отличіемъ, нежели русское дворянство. Но не довольствуясь сохраненіемъ національности въ своемъ сословіи, остзейское дворянство хочетъ, чтобы и весь Балтійскій край сохранилъ нѣмецкій характеръ, хотя природные жители ничего общаго съ германскимъ происхожденіемъ не имѣютъ, и все это на тотъ конецъ, чтобы не утратить до сихъ поръ еще продолжающагося, почти безотчетнаго, господства своего въ этомъ краѣ, господства, которое лифляндское дворянство въ послѣднее время старается распространить даже на религіозное чувство коренныхъ уроженцевъ края, въ которыхъ оно привыкло видѣть рабовъ своихъ.“

„Эта вѣковая привычка располагать туземцами, какъ собственностью, служить причиною того, что остзейскіе помѣщики смотрятъ на переходъ крестьянъ своихъ въ русскую вѣру вопреки ихъ волѣ, какъ на возмущеніе противъ ихъ власти...“

„Итакъ, дабы Балтійскій край оставался подъ вліяніемъ господствующей въ ономъ нѣмецкой національности, тамошнему дворянству остается нынѣ одно средство: не допустить, чтобы крестьяне перемѣнили вѣру и соединились въ религіозно-русскомъ элементѣ съ русскимъ народомъ, расторгли единственную связь, соединяющую ихъ съ нѣмецкимъ населеніемъ, которое составляетъ едва 11 часть (13 ч.) всѣхъ жителей онаго. Это, очевидно, обратилось бы въ ущербъ господствующему тамъ нѣмецкому элементу, сдѣлавъ нѣмцевъ пришельцами между инородными, имъ совершенно чуждыми племенами. Нельзя отрицать, что такой переворотъ измѣнилъ бы положеніе цѣлаго края. . . .“

„Засимъ, удерживаясь съ своими заключеніями, я предоставляю лицамъ, опытнѣйшимъ меня въ наукѣ государственнаго правленія, рѣшить, что полезнѣе въ видахъ государственныхъ и политическихъ: предоставить ли въ Балтійскомъ краѣ свободу природнымъ жителямъ онаго, латышамъ и эстамъ, переходить въ лоно православной церкви на основаніи общихъ постановленій и чрезъ то соединить ихъ съ русскимъ элементомъ, или же, по причинамъ вышеприведеннымъ, затрудняя переходъ этотъ, удержать въ протестанскомъ исповѣданіи, къ которому они являются, впрочемъ, болѣе, чѣмъ равнодушными, а чрезъ религію и подъ господствомъ чужеземнаго элемента, Россіи постоянно неблагопріятствующаго, если это въ общихъ государственныхъ видахъ, для единства Россійской им-

періи ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ ничего не представляетъ.“

„Напрасно остзейское дворянство въ допущеніи перемѣнить религію хочетъ видѣть нарушеніе дарованныхъ ему привиллегій и выставить какъ бы воздвигнутое противъ лютеранской вѣры гоненіе. Если правительство является здѣсь снисходительнымъ къ которому-нибудь изъ двухъ вѣроисповѣданій, то по мѣрамъ, о которыхъ упомянуто выше, конечно, — скорѣе къ протестантскому, чѣмъ къ православному. . . .“

Приведенныхъ отрывковъ достаточно, чтобы судить, какъ здраво Головинъ смотрѣлъ на значеніе, какое имѣло-бы для государства обращеніе латышей и эстовъ въ православіе, если бы оно не было задержано насильственными мѣрами.

Но враги православія считали необходимымъ игнорировать все это; они стояли на одномъ, что надежды крестьянъ на улучшеніе своего положенія не что иное, какъ плоды происковъ и подстрекательствъ православнаго духовенства, что эти движенія суть предвѣстники будущихъ движеній, грозящихъ опасностью имуществу и жизни остзейскаго дворянства. Имѣя огромныя вліятельныя связи въ высшихъ правительственныхъ сферахъ въ обѣихъ столицахъ, остзейское дворянство достигло того, что въ этихъ сферахъ съ ужасомъ стали говорить о томъ, что въ Остзейскомъ краѣ съ каждою минутою ожидается кровопролитіе, что дворяне, ложась спать,

прощаются съ жизнью и. т. д.*) Но мы уже выше видѣли, что все это оказалось намѣренною выдумкою, пущенною въ ходъ, чтобы замаскировать истинное положеніе дѣла и начать вызванное яко-бы неизбѣжнымъ ходомъ обстоятельствъ пстязаніе крестьянъ, обнаружившихъ желаніе принять православіе. Начались опять гоненія. Изложимъ ихъ словами преосвященнаго Филарета. Отъ 20 ноября 1845 г. преосвященный Филаретъ писалъ оберъ-прокурору Св. Синода: „Много страдаютъ теперь бѣдные крестьяне и терпятъ. Но человѣческому терпѣнію есть конецъ.“ А отъ 27 ноября писалъ такъ: „Скоро въ тюрьмахъ будетъ тѣсно. Сами слѣдователи говорятъ, что дѣла по которымъ сажаютъ въ тюрьмы, пусты; и однако тѣмъ только заняты, что хватаютъ простодушныхъ, какъ дичь. Едва ли во многомъ лучшее было во время гоненій сильнаго язычества, чѣмъ православію во власти нѣмцевъ. Суди, Господи, по правдѣ Твоей.“ — „Во всемъ этомъ (преслѣдованіи), писалъ онъ отъ 14 декабря, надобно удивляться только одному — терпѣнію невинныхъ страдальцевъ. Истинно, самъ Господь подкрѣпляетъ ихъ силы, терзаемые изувѣрствомъ и своекорыстною ненавистью. Надолго ли станетъ ихъ терпѣнія. — Богъ знаетъ. Доселѣ они покойно идутъ, какъ овцы на бойню, — на судъ нѣмецкій. Будетъ ли конецъ кровопролитію?“ 15 декабря: „Нѣтъ мѣръ, за которыя не брались бы, чтобы остановить или прекратить дѣло православія**).

*) Юрій Самаринъ т. VII. стр. 144.

**) Брошюра Крыжановскаго, стр. 19.

Уступая постояннымъ докукамъ остзейскаго дворянства, правительство въ концѣ 1845 г. обнародовало на туземныхъ языкахъ слѣдующіе семь пунктовъ изъ Высочайше утвержденной 26 апрѣля того же года инструкціи, данной генералъ-губернатору:

1. Въ послѣднее время крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Балтійскихъ губерній начали изъявлять желаніе къ принятію православія. Необходимо посвятить этому обстоятельству особенное вниманіе, чтобы въ подобныхъ случаяхъ предупреждены были всякія недоразумѣнія и безпорядки.

Ex bibl. univ. Dorp.

2. На семъ основаніи съ осторожностью должно наблюдать, чтобы со стороны православнаго духовенства не было допускаемо понудительныхъ средствъ, и, такимъ образомъ, иновѣрцы могли свободно присоединиться къ православію на основаніи установленнаго для сего общаго порядка, съ собственнаго подвига.

3. Съ другой стороны надлежитъ объявить жителямъ и въ особенности помѣщикамъ, что никакое мѣстное начальство не въ правѣ запрещать кому-либо принятія господствующаго въ имперіи исповѣданія, изъявившимъ такое желаніе — чтобы они не ожидали по сему поводу никакихъ особыхъ земныхъ благъ, а поступали бы по своему убѣжденію и совѣсти. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что присоединенный къ православію, исключаясь изъ числа прихожанъ протестантскихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и освобождается отъ

всѣхъ лежавшихъ на немъ въ отношеніи протестантской церкви и духовенства повинностей, потому что, поступая въ паству православную, онъ долженъ принять на себя и всѣ обязанности въ отношеніи православной церкви и духовенства, сохраняя, однако, во всей строгости обязанности свои къ помѣщику, на землѣ котораго живетъ.

4. Не принимать въ дѣлѣ присоединенія ходатаевъ, предоставлять каждому говорить и дѣйствовать непременно за себя лично.

5. Какъ присоединеніе къ православію совершенно зависитъ отъ собственнаго желанія каждаго, то за симъ не допускать жалобы со стороны православнаго духовенства на иновѣрцевъ, изъявившихъ желаніе присоединиться къ православію, но не исполнившихъ сего, а также и на православное духовенство, подъ предлогомъ неискренности желанія лица, присоединеннаго къ православію.

6. Имѣть наблюденіе, чтобы въ православныхъ церквахъ, при богослуженіи на языкѣ церковно-славянскомъ, равно какъ и на туземныхъ языкахъ, не было препятствій присутствовать всѣмъ желающимъ безъ различія вѣроисповѣданій.

7. Не допускать принужденій и насилія со стороны иновѣрцевъ для удержанія кого-либо изъ тамошнихъ жителей въ иновѣрчествѣ, если онъ пожелаетъ перейти въ православную церковь; принявшихъ православіе ограждать отъ всякаго преслѣдованія и притѣсненія, въ особенности же стараться предупреждать раздоры, могу-

щіе возникнуть иногда въ подобныхъ случаяхъ въ самыхъ нѣдрахъ семействъ, коихъ члены принадлежать къ двумъ различнымъ исповѣданіямъ, и, наконецъ, строго наблюдать, чтобы никто изъ принявшихъ православіе не лишился тѣхъ правъ и преимуществъ, коими по состоянію своему пользовался, находясь въ иновѣрчествѣ, ибо переменна вѣроисповѣданія не перемѣняетъ отношеній гражданскихъ *).

По тѣмъ же побужденіямъ Государь Императоръ въ началѣ декабря 1845 г. повелѣтъ соизволилъ, чтобы со дня заявленія желанія принять православіе до миропомазанія соблюдаемъ былъ срокъ не менѣе шести мѣсяцевъ, въ продолженіе котораго каждый зрѣло могъ бы размыслить о своемъ намѣреніи, каковое повелѣніе было опубликовано въ Прибалтійскомъ краѣ на мѣстныхъ языкахъ для всеобщаго свѣдѣнія. Въ половинѣ декабря сообщено было Министромъ генераль-губернатору распоряженіе, коимъ разрѣшалось православнымъ священникамъ для исправленія духовныхъ требъ посѣщать мѣста жительства новоприсоединенныхъ крестьянъ съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы во время таковыхъ поѣздокъ не только не присоединять, но даже не записывать желающихъ присоединиться къ православію, а отвѣчать послѣднимъ, что записываніе и, по истеченіи шестимѣсячнаго срока, миропомазаніе могутъ совершаться только тамъ, гдѣ есть православная церковь, и гдѣ священникъ имѣетъ постоянное пребываніе, и чтобы для преду-

*) Сборн. матер. томъ III стр. 509.

прежденія всякихъ могущихъ возникнуть при таковыхъ объѣздахъ недоразумѣній со стороны мѣстныхъ властей, помѣщиковъ и арендаторовъ, священникъ былъ всякій разъ сопровождаемъ „совершенно благонадежнымъ чиновникомъ,“ какъ посредствующимъ лицомъ между православнымъ священникомъ и иновѣрцами.

Эти мѣропріятія, имѣвшія въ основѣ своей благую цѣль, нанесли, однако, стремленію латышей и эстовъ къ православію смертельный ударъ. Пріостановка миропомазанія истолковывалась мызною полиціею, писарями, арендаторами, церковными форминдерами и другими пасторскими агентами, какъ царскій гнѣвъ на народъ, дерзнувшій искать „царской вѣры“. Тѣ же „авторитеты“ разглашали въ народѣ слухи, что это только предвѣстники царскаго гнѣва, что плоды его явятся потомъ, что придутъ войска, будутъ гнать принявшихъ православіе сквозь строй, годныхъ къ военной службѣ забирать въ солдаты, а негодныхъ отправлять въ Сибирь. Описанныя выше истязанія для темнаго народа служили достаточнымъ ручательствомъ справедливости вышеприведенныхъ заявленій. „Совершенно благонадежными чиновниками“, посредствующими лицами между православнымъ священникомъ и крестьянами, были тѣ же мѣстные чиновники, преимущественно изъ мѣстныхъ дворянъ, такъ какъ чиновникъ долженъ былъ владѣть мѣстными языками. Это были люди, которые не менѣе ревновали о лютеранствѣ, чѣмъ сами пасторы, не менѣе пасторовъ имѣли побужденій пещись о его цѣлости. Моло-

дые священники, переведенные сюда изъ псковской губерніи и прямо изъ-за семинарской скамьи, не понимали мѣстныхъ языковъ или понимали только самыя обиходныя слова и выраженія. Мало-мальски годныхъ переводчиковъ епархіальное начальство не могло имъ дать. Двукратныя путешествія крестьянъ (для записи и миропомазанія) за 100—150 и болѣе верстъ, само собою разумѣется, были сопряжены съ большими затрудненіями; подъ предлогомъ устраненія бродяжничества народа мѣстныя власти требовали, чтобы всякій, отлучающійся съ мѣста жительства, непременно запасался у мызной полиціи отпускнымъ свидѣтельствомъ съ обозначеніемъ мѣста и цѣли отлучки. Крестьяне старались скрывать цѣль отлучки, но мызная полиція обыкновенно угадывала истинную цѣль и пускала при этомъ въ ходъ всевозможнаго рода убѣжденія, угрозы, застрачиванья. Просящихъ отпуска предварительно отправляли къ пасторамъ на увѣщанье и пастырское наставленіе. Понятно, что только меньшинство было въ силахъ устоять передъ внушительными увѣщаніями. Сдѣлано было распоряженіе, чтобы только десятая часть крестьянъ (разумѣется, совершеннолѣтнихъ мужского пола) увольнялась одновременно; а въ 1845 г. запись желающихъ принять православіе была прекращена на всю рабочую пору. Такъ какъ при самомъ записываніи изъявляющихъ желаніе принять православіе присутствовали мѣстные чиновники (членъ орднунгсгерихта, или приходскій судья), то списки заявлявшихъ желаніе немедленно сообщались

пасторамъ по принадлежности, а послѣдніе сообщали объ этомъ мызной полиціи, и предсказанія о плодахъ шестимѣсячнаго запрещенія не замедлили явиться.

Помѣщики, собственники земли, отданной крестьянамъ въ пользованіе, имѣли право по истеченіи контракта и до истенія его за малѣйшую неисправность выселять крестьянъ изъ усадьбы, обращать домохозяевъ въ батраковъ и даже присоединять крестьянскую землю къ господской (это право отмѣнено въ 1846 г.). Имѣя въ своихъ рукахъ полицейскую и судебную власть надъ крестьянами, помѣщики обладали огромными законными средствами противодѣйствовать переходу крестьянъ въ православіе. Нужно было много твердости, чтобы устоять противъ шестимѣсячной пытки и всѣхъ бѣдствій, которыя предвидѣлись. Подвергая крестьянъ различнымъ наказаніямъ и взысканіямъ, помѣщики, конечно, выставляли не прямую причину, а различныя другія, такъ что юридически трудно было доказать, что именно за принятіе православія крестьяне подвергались преслѣдованіямъ, тѣмъ болѣе, что слѣдователи были дворяне-лютеране. Но дѣло говоритъ само за себя. Такъ напр., статистика показываетъ, что выселенныхъ въ 1846г. дворохозяевъ православныхъ оказалось втрое болѣе, чѣмъ лютеранъ; въ имѣніи одного ландрата высѣчено было за разъ 60 человѣкъ православныхъ крестьянъ. Почему именно православные провинились въ такомъ количествѣ? . . . Мѣстные полицейскіе чины пускали въ ходъ все, что только было въ ихъ власти, — а

крестьянинъ всецѣло находился въ ихъ власти. Уже выше было упомянуто, что волостные судьи и волостныя правленія были учрежденія безличныя и безотвѣтныя: по приказанію управляющаго дворянскимъ имѣніемъ, арендатора, даже писаря, рѣшалось, записывалось и приводилось въ исполненіе все по крестьянскимъ дѣламъ, но все это, однако, дѣлалось во имя и отъ имени крестьянскаго волостнаго правленія и притомъ такъ, что сами дѣятели никогда не были въ отвѣтъ.

Какъ обратившіеся въ православіе, такъ и заявившіе желаніе обратиться, нигдѣ не могли найти правосудія; по большей части они были въ полномъ смыслѣ слова лишены покровительства законовъ. Правосудіе православный крестьянинъ могъ найти только у генералъ-губернатора Головина. Но разбирательство дѣлъ оказывалось и ему не по силамъ, когда всѣ судебныя инстанціи, съ низшаго до высшаго судебного присутствія, представляли данныя въ ущербъ православному тяжущемуся. Поэтому жалобы на издѣвательства, оскорбленія, обиды и беззаконія, чинимыя лютеранами надъ принявшими православіе и заявившими намѣреніе принять его, не только оставались безъ послѣдствій, но влекли за собою наказаніе самихъ истцовъ. Страхъ, вызванный въ народѣ этими преслѣдованіями, остановилъ стремленіе къ православію. Мѣстные лютеранскіе авторитеты продолжали упорно и настойчиво утверждать, что движеніе народа въ пользу православія есть не что иное, какъ предвѣстникъ возмущенія, и тѣмъ вызывали у правитель-

ства разныя мѣропріятія, якобы къ предупрежденію и подавленію опаснаго возстанія. Но этихъ мѣропріятій мѣстные лютеранскія власти добивались не потому, что дѣйствительно можно было бы чего-нибудь опасаться, но исключительно для того, чтобы блюстители мѣропріятій, прикрываясь авторитетомъ высшей или Высочайшей власти, могли безотвѣтственнѣе и рѣшительнѣе дѣйствовать для подавленія стремленія народа къ православію. Несмотря, на все это, въ теченіе послѣдней четверти 1845 и первыхъ трехъ четвертей 1846 г., пока мѣры, принятыя мѣстными лютеранскими властями не успѣли вполнѣ воздѣйствовать, обратилось въ православіе около 100,000 крестьянъ.

Для устройства православныхъ церквей въ селахъ и деревняхъ былъ образованъ комитетъ изъ рижскаго епископа, генераль-губернатора и товарища Министра Внутреннихъ дѣлъ. Къ первому января 1848 г. считалось латышскихъ приходовъ 33, эстонскихъ 39. Землю подъ церкви и жилища причтовъ повелѣно отводить преимущественно въ казенныхъ имѣніяхъ, а при необходимости производить наѣздки изъ городскихъ или помѣщичьихъ дачъ, выдавать за то владѣльцамъ вознагражденіе. Выборъ мѣста подъ церковь возложенъ на генераль-губернатора и рижскаго епископа, а надзоръ за постройкою на Лифляндскую губернскую строительную комиссію. Денежныя средства положено отпускать отъ правительства. Положено въ деревняхъ строить церковь на 250, а въ городахъ на 300 человекъ. Уже генераль-губернаторъ Головинъ во Всеподанѣйшемъ докладѣ своемъ говоритъ:

„Избранію мѣста для храма нерѣдко противились помѣщики, хотя изъ нихъ Гротъ, графъ Ферзенъ и баронъ Менгденъ (Голговскій) пожертвовали безвозмездно нужную для церкви землю. Нынѣ устроено уже 9 церквей, 1 — также окончена, но не освящена по недостатку вблизи дома для священника; 3 — находятся въ постройкѣ; къ прочимъ еще не приступлено. Чтобы не оставить прихожанъ безъ исполненія духовныхъ требъ, въ 53 приходяхъ, гдѣ донинѣ нѣтъ постоянныхъ храмовъ, учреждены временныя церкви, снабженныя иконостасомъ и причтомъ. Для сего Высочайше повелѣно: занять подъ временныя церкви бесплатно дома, выстроенные для воинскаго постоя. Въ казенныхъ имѣніяхъ отведено по одной десятинѣ для православныхъ кладбищъ; относительно же нарѣзки таковыхъ участковъ въ помѣщичьихъ дачахъ сдѣлано уже представленіе. Проектъ объ учрежденіи крестьянскихъ православныхъ школъ представленъ Министру Внутреннихъ дѣлъ, открыто же понынѣ 15 — вслѣдствіе недостатка помѣщенія для другихъ.“ Такъ шли дѣла по обращенію въ православіе и устройству церквей. Но церквей было устроено пока 10, три находились въ постройкѣ, а приходоѡ было 72. Смѣна генералъ-губернатора Головина Свѣтлѣйшимъ княземъ Суворовымъ 1 января 1848 г. послужила сигналомъ ко всеобщему подавленію стремленія латышей и эстовъ къ православію. Самый въѣздъ Свѣтлѣйшаго въ Ригу далъ почувствовать, чего надо было ожидать зараждающемуся въ краѣ стремленію къ православію. Прежде всего онъ посѣщилъ Домъ-кирку ;

затѣмъ послѣдовали визиты знатнѣйшимъ дворянамъ, Лифляндскому генералъ-суперинтенденту, пасторамъ, бургомистру, ратсгерамъ, даже купцамъ. О существованіи въ Ригѣ православнаго епископа и православныхъ церквей вспомнилъ Свѣтлѣйшій уже тогда, когда сталъ перебирать въ памяти, кому бы еще отдать визиты*).

Враждебная русскому государственному строю и православной вѣрѣ партія тотчасъ же поняла, откуда подулъ вѣтеръ. Юрій Θεодоровичъ Самаринъ, находившійся въ то время еще въ Ригѣ, пишетъ: „Чтобы дать вамъ понятіе о господствующемъ расположеніи умовъ, я приведу вамъ два отзыва самихъ нѣмцевъ. Въ тотъ день, какъ гражданскій губернаторъ разглашалъ съ торжествомъ первое секретное отношеніе князя Суворова къ епископу рижскому, въ здѣшнемъ клубѣ нѣмцы, встрѣчаясь, поздравляли другъ-друга и весело потирали руки, повторяя: „русскимъ попамъ генералъ-губернаторъ наклеилъ носъ — die Russische Geistlichkeit hat von dem Fürsten Souvoroff auf die Nase bekommen.“ — Вотъ какою цѣною покупается здѣсь популярность. На дняхъ я читалъ письмо, полученное изъ одного Лифляндскаго уѣзднаго города, въ которомъ сообщается извѣстіе о циркулярномъ предписаніи князя Суворова ко всѣмъ ордунагсгерихтамъ слѣдующаго содержания: „оказывать епископу во время объѣзда его по епархіи всевозможное уваженіе и содѣйствіе, дабы не дать ему повода жаловаться на мѣстныя власти“

*) Юр. Самаринъ, т. VII.

(т. VII стр. 158). Этимъ князь Суворовъ офиціально оповѣстилъ весь вѣранный его управленію край, что православный епископъ находится во враждебномъ ему лагерѣ; съ другой стороны, далъ знать всей интеллигенціи края, что самъ онъ (Суворовъ) относитъ себя къ нѣмецкому лагерю. Онъ остался вѣренъ себѣ во все время управленія краемъ (до 1861 г.). Естественно, что при такомъ отношеніи къ дѣлу православія и русскому дѣлу вообще, онъ не могъ ужиться съ ревностнымъ поборникомъ православія, преосвященнымъ Филаретомъ, и преосвященному Филарету пришлось разстаться съ Рижскою епархіею въ первый же годъ правленія князя Суворова. Изъ Всеподданнѣйшаго доклада генераль-губернатора Головина мы видѣли, что въ 53 православныхъ приходѣхъ церкви и причты были помѣщены временно въ частныхъ зданіяхъ. Большинству изъ таковыхъ церквей послѣ замѣны Головина Суворовымъ пришлось долго временить. Дальновидная нѣмецкая политика усмотрѣла въ этомъ обстоятельствѣ надежнѣйшее средство къ тому, чтобы унижить въ глазахъ народа православную церковь. Во Всеподданнѣйшемъ докладѣ генераль-губернатора Головина уже сказано, что помѣщики противились отводу помѣщеній и земли подъ православныя церкви. Если это было при Головинѣ, то чего же нужно было ожидать при Суворовѣ послѣ рекламы, офиціально пущенной имъ о себѣ въ прибалтійское дворянство. Въ домахъ военного поста церкви не имѣли сколько-нибудь приличнаго помѣщенія. Эти зданія помимо того, что

находились въ грязномъ и жалкомъ состояніи, пользовались дурною репутаціею въ народѣ вслѣдствіе крайне нетрезвой жизни, какой предавались здѣсь солдаты во время постоя, по причинѣ баснословной — сравнительно съ внутренними губерніями — дешевизны водки въ Прибалтійскомъ краѣ (штофъ водки можно было получить за 5 коп.).

Но многія церкви помѣщены были въ зданіяхъ, которыя прежде были кабаками и корчмами, разумѣется, такими, которыя не приносили или слишкомъ мало приносили дохода помѣщику. Большинство же церквей было помѣщено въ зданіяхъ, гдѣ до того жила мызная прислуга или скотники. Въ такихъ помѣщеніяхъ приходилось имъ оставаться лѣтъ двадцать и болѣе. Просьбы и жалобы причтовъ оставались гласомъ вопіющаго въ пустынь. Епископъ, вслѣдствіе упорной противодѣйствія мѣстной свѣтской власти, оказывался безсильнымъ; его ходатайства по большей части оставались или совсѣмъ безъ послѣдствій или обезсиливались различными представленіями, условіями и резонами. Отводы земель подъ кладбища и церкви не только въ частныхъ имѣніяхъ, но и въ казенныхъ, которыя по большей части были заарендованы прибалтійскими дворянами, тянулись десятиками лѣтъ. Арендаторы требовали непомерныхъ уступокъ со стороны казны за десятину негодной къ воздѣлыванію земли, или за уступку жилища скотника требовали уступки всей арендной суммы со всего казеннаго имѣнія. Пока велись безконечныя переписки, высыланія чиновниковъ для разбора дѣла, православные

священники, испрашивая у пасторовъ разрѣшенія хоронить покойниковъ на лютеранскихъ кладбищахъ, принуждены были при каждомъ случаѣ выслушивать колкія, дерзкія, грубыя оскорбленія. Наконецъ, послѣ безконечныхъ препирательствъ, отводили для православнаго прихода кладбище гдѣ-нибудь въ болотѣ, какъ это было въ казенномъ имѣніи Вольмарскаго уѣзда, въ Руенъ-Торнеѣ. Среди выгона, весною и осенью сплошь заливаемого водою, возвышалась площадка много-много футовъ на три. Эта-то площадка, послѣ продолжительныхъ препирательствъ, отведена была подъ православное кладбище. Весною и осенью, послѣ прорытія двухъ футовъ, яму заливало водою; въ эту яму опускались гробы. Въ виду такихъ неудобствъ кладбища и въ надеждѣ получить лучшее, прихожане не соглашались строить ограду вокругъ кладбища. Весною свиньями отрыто было два гроба, и изъ одного гроба вырванъ неразложившійся еще трупъ младенца. (Въ томъ же Руенскомъ приходѣ, гдѣ въ одной группѣ находилось три казенныхъ имѣнія, православная церковь первоначально была помѣщена въ бывшемъ кабацкѣ Скудритъ, состоявшемъ изъ двухъ комнатокъ). Прошло года четыре, пока православные добились годнаго кладбища въ другомъ казенномъ имѣніи, Руенъ-Раденгофскомъ.

Изъ церквей, помѣщенныхъ въ мызныхъ пристройкахъ, опишемъ одну. Въ имѣніи Кеситъ (нынѣ церковь въ Буртнекскомъ приходѣ, въ Варнѣ) церковь помѣщалась въ комнатѣ съ русскою печью. Въ двери,

ведущей изъ комнаты (церкви) въ кладовую, вырѣзано было четырехугольное окошко, которое закрывалось клочкомъ шелковой матеріи. Эта дверь изображала царскія врата, а кладовая служила алтаремъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде, при проходѣ войскъ, назначались дневки, было по двѣ, по три, даже по четыре корчмы вмѣстѣ. Въ одну изъ такихъ корчемъ помѣстили православную церковь (въ Каргусѣ), а въ остальной или остальныхъ продолжала процвѣтать продажа питій; по одной сторонѣ дороги совершалась божественная литурія, а по другой, — передъ самыми церковными окнами, съ цѣлью издѣвательства надъ православными, — совершались безчинства. Чертили мѣломъ или углемъ на стѣнахъ крестныя знаменія или человѣческія подобія и кланялись имъ. Приведемъ здѣсь одно особенно выдающееся событіе изъ подобнаго рода кощунствъ. Въ Вольмарскомъ уѣздѣ, Руенскомъ приходѣ, въ корчмѣ Леппъ, крестьянинъ Пудеркюльской волости, лютеранскій церковный попечитель, хозяинъ усадьбы Руцка, въ крещеніе, 6 января, когда корчма была наполнена народомъ, возвращавшимся изъ кирки и православной церкви, гдѣ присутствовалъ и староста православной церкви, хозяинъ усадьбы Силь, Руцка слѣдующимъ образомъ издѣвался надъ божественною литургіею православной церкви. Накинувъ рогожу на плечи, на подобіе фелони, наливъ пива въ кружку и накрошивъ туда булки, представляя собою православнаго священника, ходилъ кругомъ и ложкою подавалъ присутствовавшимъ; затѣмъ онъ

сталъ объяснять побужденія, по которымъ-де священники православные уходятъ въ алтарь, — такими мотивами, которыхъ на бумагѣ и передать невозможно. Староста православной церкви на слѣдующій день послѣ этого кошунства привелъ къ православному священнику нѣсколько человѣкъ свидѣтелей, изъ которыхъ большинство были лютеране. Они подтвердили справедливость вышесказаннаго. Началось судебное разбирательство дѣла. Кончилось оно тѣмъ, что старосту православной церкви присудили къ мѣсячному тюремному заключенію, якобы за ложный доносъ. Спросятъ: какъ это возможно? А очень просто: тянули дѣло лѣтъ шесть; изъ низшихъ судебныхъ инстанцій перенесли дѣло въ высшія инстанціи, требовали тяжущихся и свидѣтелей въ судъ за 150—160 верстъ въ самую горячую рабочую пору, выслушивали и безъ всякаго результата отпускали домой. Свидѣтели измучились, жаловались на разореніе. Управляющій имѣнія Пудерскюль (Дикеръ), якобы изъ состраданія, сказалъ свидѣтелямъ: „дураки вы; ужели вы думаете, что православный когда-либо возьметъ верхъ надъ лютераниномъ?“ „Да что же намъ дѣлать?“ отвѣчаютъ свидѣтели. „Да скажите, что вы ничего не видали и не слыхали.“ „Да мы присягали.“ „Пустяки, заявите только, что вы ничего не видали и не слыхали, и вамъ ничего не сдѣлаютъ.“ И въ самомъ дѣлѣ, измученные свидѣтели стали противорѣчить другъ-другу: православные продолжали утверждать, что кошунство дѣйствительно было совершено, а лютеране каялись, что говорили

неправду. Показанія свидѣтелей, какъ противорѣчивыя, были отвергнуты, а староста православной церкви за клевету понесъ законную кару. Такихъ процессовъ, хотя менѣе возмутительныхъ, было немало; исходъ ихъ былъ большею частію вышеописанный. Православные со временемъ стали умнѣе: подавляли горе и негодованіе и молчали. Кошунства совершались обыкновенно въ мѣстахъ большого сборища народа: на помѣщичьихъ сѣнокосахъ и поляхъ и при другихъ огульныхъ работахъ, куда собиралась вся волость.

Помимо всего этого лютеранство выставило противъ православія еще одну могущественную силу: образованіе народа. Дѣти православныхъ батраковъ оставались безграмотными. Хозяева лютеране, у которыхъ дѣти православныхъ батраковъ находились въ услуженіи, не отпускали ихъ съ другими дѣтьми въ назначенные дни въ школу. Православные священники требовали ихъ къ себѣ на испытанье, умѣютъ ли они читать и знаютъ ли молитвы, назначая для того воскресные дни; но хозяева, зная, что ихъ властямъ это будетъ пріятно, отвѣчали — лѣтомъ: „намъ и въ воскресенье необходимо пастухъ,“ — зимою: „и въ воскресенье нужно носить хворостъ, согрѣвать воду, поить скотину.“ Требованія священниковъ, чтобы волостныя правленія обязывали крестьянъ — хозяевъ отпускать дѣтей на испытанье и наставленье, давали мызной полиціи только поводъ издѣваться надъ такими требованіями. Бывали случаи, что священники обращались къ помѣщикамъ

лично, прося дать имъ возможность исполнять свой долгъ относительно православныхъ дѣтей. Болѣе деликатные отговаривались, что это не въ ихъ власти, что это дѣло волостныхъ правленій, а волостныя правленія помимо воли помѣщика не дѣлали ничего. Другіе высылали на крыльцо прислугу сказать священнику, что они не могутъ принять русскаго священника. Все это подавляющимъ образомъ дѣйствовало на народъ: заявившіе желаніе перейти въ православіе, изъ опасенія еще большихъ угнетеній, отступились, перешедшіе въ православіе поникли головой.

Съ введеніемъ въ Прибалтійскомъ краѣ аренднаго положенія вмѣсто барщины и дарованіемъ крестьянамъ права поземельной собственности экономическое и хозяйственное положеніе крестьянъ быстро улучшалось. Первенство на арендованіе усадьбы принадлежало тому, кто содержалъ ее во время барщины; равнымъ образомъ первенство на выкупъ усадьбы принадлежало тому, кто арендовалъ ее въ пору барщины. Къ тому-же сами помѣщики имѣли матеріальный интересъ заботиться о томъ, чтобы усадьбу выкупалъ бывший дворохозяинъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, онъ, помѣщикъ, по законамъ долженъ дать отказывающемуся удовлетвореніе сообразно съ числомъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ отказывающійся содержалъ усадьбу, и съ сдѣланными въ усадьбѣ улучшеніями и постройками. Поэтому только въ рѣдкихъ случаяхъ усадьба при выкупѣ переходила въ другія руки. Православные дворохозяева, какъ мы

видѣли выше, въ большинствѣ приходоѡ, — по принятіи ими православія, — были выдворены изъ усадебъ. Слѣдовательно, всѣ поземельныя выгоды, которыхъ съ давнихъ поръ такъ жаждали крестьяне, выпали исключительно на долю лютеранъ. Если гдѣ и освобождалась усадьба, и оказывались православные, имѣвшіе настолько средствъ, чтобы явиться соискателями на выкупъ усадьбы, то все таки православный ни въ какомъ случаѣ не допускался до соискательства. Если къ продавцу, помѣщику, являлось незнакомое лицо съ изъявленіемъ желанія купить усадьбу, то продавецъ обыкновенно спрашивалъ: какой ты вѣры? Если слѣдовалъ отвѣтъ: „русской вѣры“, то продавцы обыкновенно предъявляли такіа цѣны, что и рѣчи далѣе не могло быть о покупкѣ; а нѣкоторые прямо отвѣчали: „православнымъ не продаю*). Нѣкоторые, впрочемъ, ссылались на то, что православные, купивши усадьбу, будутъ отказываться нести повинности въ пользу лютеранской церкви**). Въ виду вышесказаннаго, положеніе православной части населенія становилось невыносимымъ какъ въ нравственномъ, такъ

*) Сбор. мат. по ист. Приб. кр т. Ш. стр. 538.

**) По ходатайству Высокопреосвященнаго Платона — въ бытность управляющимъ прибалтійскаго отдѣленія палаты государственныхъ имуществъ Семена Николаевича Шафранова — нѣсколько православныхъ крестьянскихъ семей были надѣлены землями въ упраздненныхъ въ Лифляндіи казенныхъ дачахъ; но эта мѣра привела къ печальнымъ результатамъ: отведено было на семью земли по десятинѣ или немного болѣе, не свыше двухъ десятинъ. Съ такого клочка земли семья не въ состояніи существовать, въ заработки пускаться некуда: съ примѣненіемъ помѣщиками, даже крестьянами, къ земледѣлію машинъ рабочія руки оказались въ излишествѣ.

и хозяйственномъ отношеніи. Пасторы и ихъ многочисленные посредники и помощники увидѣли, что поле къ жатвѣ подготовлено, и усилили свою пропаганду. Они стали дѣйствовать смѣлѣе и рѣшительнѣе; проповѣди на вышеупомянутыя темы (стр. 31) стали говоритья рѣзче; къ нимъ прибавилась новая — „о блудномъ сынѣ“. Между тѣмъ православные священники — согласно предписаніямъ — строжайше должны были воздерживаться отъ проповѣдей полемического характера.

Такъ какъ православный священникъ не имѣлъ права вѣнчать смѣшанныхъ браковъ, прежде чѣмъ получить отъ пастора офиціальное увѣдомленіе о троекратномъ оглашеніи въ церкви желающихъ вступить въ бракъ и о предбрачномъ наставленіи лютеранской половины брачующихся, то пасторы заблаговременно получали увѣдомленія о предстоящемъ смѣшанномъ бракѣ и обыкновенно настаивали на томъ, чтобы невѣста-лютеранка пришла къ нему, пастору, съ женихомъ. Слѣдствіемъ пасторскихъ убѣжденій обыкновенно было тайное, при помощи разныхъ изворотовъ, крещеніе дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ въ лютеранство. Если, по доносу православныхъ священниковъ, наряжались по этому вопросу слѣдствія, то у пасторовъ обыкновенно оказывались очень ловкіе извороты, что подтверждается въ наше время судебными процессами при разбирательствѣ дѣлъ по обвиненію пасторовъ въ преступленіяхъ противъ господствующей въ государствѣ церкви. Очень часто

здѣсь пользовались неясностью начертанія фамилій въ церковныхъ книгахъ и т. п. Дѣло, по обыкновенію, тянулось годами и кончалось ничѣмъ, а потомки отъ такихъ браковъ оставались лютеранами. И, такъ какъ жена и женины родственники обыкновенно имѣютъ перевѣсъ въ семейныхъ дѣлахъ, то отъ смѣшанныхъ браковъ дѣти очень часто окрещивались въ лютеранство. И въ этомъ случаѣ пасторы дѣйствовали осторожно: сами они уклонялись отъ крещенія таковыхъ дѣтей — ихъ обыкновенно крестили міряне: церковные попечители, воспріемницы, сельскіе учителя и т. д. подъ предлогомъ слабости ребенка и опасности, что ребенокъ можетъ умереть неокрещеннымъ. Затѣмъ мать приносила ребенка въ кирку, гдѣ пасторъ безъ дальнѣйшихъ справокъ воцерковлялъ ребенка. Въ случаѣ обнаруженія дѣла пасторы обыкновенно ссылались на невѣдѣніе, недоразумѣніе и т. д. Протесты со стороны православныхъ священниковъ, благодаря потворству пасторамъ мѣстныхъ полицейскихъ и судебныхъ инстанцій, оставались безъ послѣдствій. Мѣстная православная іерархія оказалась безсильной въ борьбѣ противъ столь изворотливыхъ, многочисленныхъ, потаенныхъ враговъ; да и въ самомъ православномъ населеніи, въ виду вышеизложенныхъ житейскихъ невзгодъ, духовенство мало встрѣчало поддержки.

Таково было положеніе православной паствы въ Лифляндіи отъ начала водворенія здѣсь православія, до начала шестидесятихъ годовъ, когда и обнаружился

въ средѣ православнаго населенія ропотъ на православіе, какъ на причину его житейскихъ невзгодъ. Слѣдствіемъ этого былъ достопамятный объѣздъ рижской епархіи Его Высокопреосвященствомъ, бывшимъ архіепискомъ Рижскимъ, Митавскимъ и Ревельскимъ, недавно скончавшимся Митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, Платономъ*).

*) Высокопреосвященный Платонъ (въ мірѣ Николай Городецкій) родился 1803 г. въ Тверской губерніи, въ посадѣ Погорѣломъ Городищъ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Образование свое онъ закончилъ въ Петербургской Духовной Академіи. Служилъ на педагогическомъ поприщѣ — въ Орловской Духовной семинаріи и Петербургской Духовной Академіи. Въ 1830 г. постригся въ монахи, а въ слѣдующемъ году былъ возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ инспекторомъ той же Академіи. Въ 1837 г. опредѣленъ ректоромъ Костромской Духовной Семинаріи; чрезъ два года назначенъ настоятелемъ Виленскаго Свято-Духова монастыря; былъ ревностнымъ сотрудникомъ Преосвященнаго Іосифа (Сѣмашко) въ дѣлѣ воссоединенія униатовъ съ православною церковью. Въ 1843 г. былъ назначенъ вторымъ викаріемъ Литовской епархіи; черезъ 5 лѣтъ ему Высочайше повелѣно быть викарнымъ епископомъ Рижской епархіи, а въ 1850 года, съ учрежденіемъ самостоятельной Рижской епархіи, онъ возведенъ въ санъ архіепископа. Здѣсь-то ему при оборонѣ своей юной паствы пришлось выдержать тяжелую борьбу съ сильнымъ въ то время въ Прибалтійскомъ краѣ лютеранствомъ. Борьба эта была тѣмъ тяжелѣе, что въ мѣстной высшей власти — въ генералъ-губернаторѣ князѣ Суворовѣ онъ не встрѣчалъ поддержки. Только благодаря благосклонному вниманію къ нему покойнаго Государя Императора ему удалось исхочатайствовать средства для улучшенія бѣдственнаго матеріальнаго положенія духовенства, на постройку церквей и на православныя сельскія школы. Въ 1867 г. архіепископъ Платонъ былъ переведенъ въ Донскую епархію, гдѣ онъ нашелъ обширное поле дѣятельности въ обращеніи раскольниковъ въ единовѣріе — православіе. Въ 1877 г. былъ переведенъ на кафедру Херсонской епархіи, въ 1882 г. назначенъ митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ. Высокопреосвященнѣйшій Платонъ принадлежитъ къ замѣ-

Вотъ что пишетъ по этому поводу священникъ Андрей Поляковъ, объѣзжавшій вмѣстѣ съ архіепископомъ церкви въ Вольмарскомъ Благочиніи и служившій переводчикомъ при Его Высокопреосвященствѣ: „Весною 1864 г. свѣтскія власти Лифляндской губерніи довели до свѣдѣнія Государя Императора, якобы латыши и эсты, недовольные православіемъ, хотятъ перейти назадъ въ лютеранство и поэтому якобы волнуются. Вслѣдствіе сего правительствомъ былъ командированъ къ эстамъ графъ Бобринскій, дабы разузнать о причинахъ неспокойнаго состоянія эстовъ. — Эстляндскій помѣщикъ, графъ Сиверсъ, сказывалъ мнѣ, что, по пріѣздѣ графа Бобринскаго въ Эстонскій край, онъ встрѣченъ былъ толпами недовольныхъ правительствомъ эстовъ, которые громко заявили желаніе перейти обратно въ лютеранство. Причиною такого перехода они выставляли то, что будто бы отцы ихъ изъ-за земныхъ выгодъ приняли православіе, но что, не получивши оныхъ, они желали бы перейти въ прежнюю вѣру — лютеранство. При этомъ они будто бы указывали, что имъ въ православіи надобно нести большія повинности и налоги и терпѣть разныя невыносимыя невзгоды.“

„При личномъ свиданіи (я) осмѣлился спросить у архіепископа Платона: правда ли то, что, по прибытіи изъ Эстляндіи (Эстонской части Лифляндіи?) графа

чательнѣйшимъ іерархамъ русской церкви какъ ученый, какъ администраторъ и проповѣдникъ. Скончался 1 октября 1891 г. на 89 году жизни.

Бобринскаго, былъ учрежденъ совѣтъ, на которомъ присутствовали самъ Государь Императоръ Александръ II, архіепископъ Платонъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Валуевъ и Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода. На совѣтъ этомъ якобы было положено уволить недовольныхъ православіемъ латышей и эстовъ въ лютеранство.

Но архіепископъ Платонъ, “ продолжаетъ Поляковъ, „будто бы не изъявилъ на то своего согласія, прося у Государя Императора позволенія отправиться въ свою епархію, чтобы лично убѣдиться въ справедливости неудовольствія латышей и эстовъ на православіе. Архіепископъ, несмотря на щекотливый вопросъ, отвѣчалъ утвердительно.“

Чтобы дать понятіе о характерѣ посѣщенія архіепископомъ Платономъ приходовъ своей епархіи и истинныхъ причинъ недовольства православной части населенія, приведемъ со словъ свящ. Полякова — съ нѣкоторыми сокращеніями — не нарушающими сущности дѣла — бесѣду Его Высокопреосвященства съ прихожанами въ Лемзальской церкви. Заявленія православныхъ повсюду были одни и тѣ же, слѣдовательно, и содержаніе бесѣдъ Его Высокопреосвященства болѣе или менѣе направлено къ одной темѣ.

„По совершеніи литургіи,“ говоритъ священникъ Поляковъ, „архипастырь, разоблачившись и надѣвъ мантию, съ жезломъ въ рукѣ, вышелъ на амвонъ и въ продолженіе двухъ часовъ бесѣдовалъ съ прихожанами, передавая свои слова чрезъ переводчика. Много поучи-

тельнаго было сказано архипастыремъ Лемзальскимъ прихожанамъ. . . , Окончивъ бесѣду и вступивъ съ прихожанами въ рѣчь разговорную, архіепископъ спросилъ: довольны ли они своимъ священникомъ. Почти вся церковь отвѣчала утвердительно; но, несмотря на то, одинъ изъ прихожанъ громко заявилъ свое неудовольствіе на священника за то, что онъ (священникъ) не принимаетъ его ни къ исповѣди, ни къ св. причастію, не смотря на его раскаянье и слезы. Конечно, этого не похвалилъ архіепископъ, тутъ же приказавъ священнику помириться съ своимъ прихожаниномъ. Послѣ этого между прихожанами послышались въ церкви возгласы: „Отпустите насъ отъ православія, отъ русской вѣры.“ Архіепископъ съ спокойствіемъ спросилъ: „что побуждаетъ ихъ къ отступничеству отъ православія?“ Иные говорили, что изъ за православной вѣры не могутъ получить хозяйства, другіе, — что ихъ изъ-за православія гонятъ, унижаютъ; иные, въ небольшомъ количествѣ, возражали, что они не жалуются на иновѣрцевъ, изъ-за вѣры ихъ не притѣсняютъ и сами они православную вѣру не презираютъ, но вѣра эта для нихъ чужда; третьи заявляли, что охотно желаютъ остаться въ православной вѣрѣ, но просятъ только защиты отъ иновѣрцевъ; иные просили, чтобы ихъ отдѣлили отъ лютеранъ. Архіепископъ, дабы прекратить беспорядочный говоръ, исходившій изъ устъ цѣлой тысячи, просилъ прихожанъ успокоиться и не заглушать его рѣчей. Когда тысячеустный говоръ утихъ, то архіе-

пископъ предложилъ прихожанамъ успокоиться и избрать изъ среды своей нѣсколько почетныхъ и довѣрія достойныхъ мужей и поручить онымъ во имя цѣлаго прихода продолжать разговоръ съ архіепископомъ и заявлять по порядку о своихъ духовныхъ нуждахъ, тогда онъ, архіепископъ, будетъ въ состояніи лучше понять дѣло, и, что будетъ въ разговорѣ ихъ достойнымъ пріятія и важнымъ, то будетъ имъ принято во вниманіе, но что будетъ недостойно, то будетъ отвергнуто.“

Начались опять разговоры. Тогда архіепископъ спокойно произнесъ: „Любезные други мои! Когда я говорю въ церкви, то самъ Всемплотивѣйшій Государь слушаетъ меня; зачѣмъ же вы перебиваете рѣчь мою и не даете мнѣ говорить, когда я не только какъ архипастырь, но и какъ вашъ другъ и гость пришелъ къ вамъ, дабы побесѣдовать съ вами?“ Слова эти произвели вождельнное дѣйствіе на крикуновъ. Всѣ испугались и устыдились и воцарилась невозмутимая тишина. При семъ не могу не сказать — по заявленію нѣкоторыхъ лицъ, бывшихъ въ церкви лемзальскаго клира — что въ толпѣ кричавшихъ были нѣкоторые лютеране*). Тогда предсталъ предъ архіепископомъ лемзальскій церковный староста — крестьянинъ, латышъ по происхожденію, и заявилъ, что онъ избранъ отъ лица всего прихода бесѣдовать съ архипастыремъ . . . Архіепископъ

*) Тамъ, гдѣ церкви были малы, и бесѣда архіепископа съ народомъ происходила съ церковной паперти, лютеране собирались массами и высказывали разныя дерзкія заявленія.

чрезъ переводчика спросилъ прихожанъ: уполномочили ли лемзальскіе прихожане сего человѣка, называющаго себя церковнымъ старостою, отъ имени всѣхъ прихожанъ бесѣдовать съ нимъ, и будутъ ли они бесѣдою своего старосты довольны? На эти слова архипастыря по всей церкви раздался единодушный кликъ: „да, да! мы ему довѣряемъ.“ Церковный староста сказалъ, что онъ не надѣется складно изложить Его Высокопреосвященству желаній лемзальскихъ прихожанъ и поэтому всенижайше просить Его Высокопреосвященство принять просьбы прихожанъ на бумагѣ. Архипастырь, принявъ бумагу и, открывъ ее, сказалъ: „Другъ мой, бумагу эту я приму и, что могу исполнить по вашей просьбѣ, то исполню, но все-таки тебѣ слѣдуетъ во всеуслышаніе, хотя вкратцѣ, въ простыхъ и вѣрныхъ словахъ высказать предо мною, чего лемзальскіе православные прихожане просятъ въ сей бумагѣ. Говори смѣло и просто, продолжалъ архіепископъ, чего вы желаете.“ Обнадеженный кроткими словами архипастыря, церковный староста продолжалъ: „Мы, латыши, вѣрныя дѣти своего Государя, за своего Царя хотимъ стоять до послѣдней капли крови, какъ и всѣ истинно русскіе люди; это сыны латышей, состоя въ русскихъ полкахъ, искони заявили и нынѣ заявляютъ своими дѣлами, воюя за любезное отечество свое и проливая кровь свою. Желая еще крѣпче соединиться съ возлюбленнымъ Императоромъ и русскими людьми, великое множество латышей приняло православную вѣру, въ которой и хотимъ охотно пре-

бывать до скончанія жизни. Но мызники поступаютъ съ нами весьма тяжело за принятіе православной вѣры. Если кто изъ православныхъ пожелаетъ получить крестьянскій участокъ, то ему долго, долго приходится искать этого до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не разорится въ исканіи. Если православный приходитъ въ какую либо мызу просить объ отдачѣ крестьянскаго участка, то его прежде всего спрашиваютъ, какой вѣры онъ; и когда узнаютъ, что православной, то ему говорятъ: участка получить въ аренду нельзя. И такъ онъ долго можетъ разбѣзжать и отыскивать, но повсюду получить вышеупомянутый отвѣтъ; а если гдѣ и найдетъ милость и получить участокъ, то его сейчасъ же спрашиваютъ, обяжется ли онъ работать на лютеранскія церкви и школы и нести повинности въ пользу лютеранскихъ пасторовъ и школмейстеровъ съ прочими лютеранами, и, если онъ согласится, то получаетъ участокъ. Желая получить въ аренду участокъ, почти всѣ православные хозяева поневолѣ соглашаются исполнять сіи условія. Все это очень тяжело и грустно и становится еще больнѣе (тяжко) отъ насмѣшекъ, коими осыпаютъ они (лютеране) насъ по этому поводу.“

„Посему просимъ все сіе доложить высшимъ властямъ, что намъ, латышамъ, единовѣрцамъ Государя, весьма тяжело.“ На сію жалобу старосты архіепископъ, обратясь къ прихожанамъ, спросилъ: „Правда ли то, что высказалъ староста отъ имени лемзальскихъ православныхъ прихожанъ?“ На сіе вся церковь громовымъ

образомъ отвѣтила: „Воистину правда, сущая правда! Да, да! Истинно, дѣйствительно такъ!“ „Все сіе, сказалъ архіепископъ, что лемзальская церковь чрезъ своего старосту заявила, я сообщу Лифляндскому генералъ-губернатору, которому Всемиловѣйшимъ Государемъ нашимъ ввѣрено начальство надъ симъ краемъ, и надѣюсь, что впредь съ вами поступать такъ не будутъ.“

„Тѣмъ, которые были изъ другихъ приходоу, напр., изъ Пернигельскаго, жаловавшимся на то, что у нихъ нѣтъ вблизи ни церкви, ни кладбища, что имъ приходится въ лачугахъ пріобщаться св. Таинъ, архіепископъ отвѣчалъ, что скоро построятъ для нихъ церковь на тѣ деньги, которыя Всемиловѣйшій Государь пожаловалъ на устройство церквей въ Лифляндіи*). Когда же нѣкоторые возразили, что они уже давно ожидаютъ постройки церкви, то архіепископъ продолжалъ: „Такое многосложное дѣло, какъ устройство по всей Лифляндіи церквей, не можетъ быть такъ скоро приведено въ исполненіе“ . . . Прочимъ Пернигельскимъ прихожанамъ, числомъ до 40 человекъ, которые заявили желаніе отступничества отъ православія, говоря, что русская вѣра для нихъ чужда, что въ русской вѣрѣ обряды для нихъ неудобноисполнимы, какъ то: поклоны, посты и пр., и вообще они русской вѣрѣ не научены и ея не понимаютъ, архіепископъ отвѣчалъ: „А лютеранская вѣра знакома вамъ? Скажите же мнѣ ученіе лютеранской вѣры?“ Нѣкоторые молча

*) Въ первыя десять лѣтъ управленія Суворова Прибалтійскимъ краемъ постройка церквей почти совсѣмъ была пріостановлена.

думали и, не (будучи) въ силахъ отвѣтить, сказали „Не знаемъ.“ „Сейчасъ же вы сказали, что православной вѣрѣ не научены и не знаете, а лютеранская вамъ знакома; между тѣмъ не знаете ученія лютеранской вѣры и сами себѣ противорѣчите.“ А относительно постовъ архіепископъ выразилъ слѣдующее: не въ постѣ только состоитъ ученіе вѣры православной. Если у тебя во время поста рѣшительно нѣтъ никакой постной пищи, то тебя не осудитъ церковь, если ты для утоленія года будешь употреблять умѣренно и непостную пищу, хотя бы и мясо . . .“

„Отцы наши безъ нашего вѣдома и сознанія ввели насъ въ эту вѣру“, сказали нѣкоторые. Отцамъ законъ не возбраняетъ вводить дѣтей своихъ въ ту вѣру, которую сами исповѣдуютъ, возразилъ архіепископъ; потому они вполне законно поступили, присоединивъ васъ къ той вѣрѣ, которую сами исповѣдуютъ. Да и гдѣ видано чтобы родители, исповѣдывающіе одну вѣру, крестили дѣтей въ другую, ими отвергнутую или чуждую? И лютеране, и народы прочихъ исповѣданій всегда воспитываютъ дѣтей своихъ въ той вѣрѣ, къ которой принадлежатъ сами. А если бы кто сдѣлалъ иначе, такъ явно показывалъ бы или совершенное безвѣріе, или предпочтеніе (непочитаніе) той вѣрѣ, которую самъ содержитъ“. . . „Бесѣду свою въ Лемзальской церкви, продолжавшуюся болѣе двухъ часовъ, утомленный архипастырь заключилъ слѣдующими словами: „Нѣкоторые изъ жалобъ вашихъ основательны и, какъ заслужи-

вающія вниманія, подлежатъ удовлетворенію, но нѣкоторые жалобы не только неосновательны, но и безнравственны, потому не могутъ быть удовлетворены. Архипастырь благословилъ народъ и вышелъ изъ церкви“ . . .

Мы видѣли, что крестьяне сосѣдняго съ Лемзалеми православнаго прихода, жалуясь на отсутствіе у нихъ церкви, называли церковь свою лачугою, другую, сосѣдною съ Лемзалеми, православную, Уббенормскую, авторъ записокъ называетъ „малою хижиною въ крестьянскомъ дворѣ, въ которомъ помѣщалась убогая церковь.“ Предметы бесѣды архипастыря здѣсь были тѣ же, которые авторъ изложилъ выше. Неизлишнимъ считаемъ, однако, указать здѣсь на участіе въ народномъ собраніи Диккельнскаго лютеранскаго пастора Нейкена. „Едва только,“ пишетъ авторъ, „водворилась нѣкоторая тишина, какъ одинъ изъ народа сказалъ мнѣ: въ этой толпѣ находится Диккельнскій лютеранскій пасторъ Нейкенъ, который до прибытія архіепископа въ близлежащемъ лѣсу и за заборомъ и строеніями научалъ юношей кричать предъ архіепископомъ объ увольненіи отъ православія. Тогда я сказалъ архіепископу: „здѣсь между православными, какъ сейчасъ сказали мнѣ, находится лютеранскій пасторъ, побуждающій къ отступничеству*). По докладѣ моемъ архипастырю о дѣйствіяхъ пастора владыка обратился къ орднунгсрихтеру, а тотъ,

*) Тоже самое было во многихъ приходахъ при посѣщеніи ихъ архіепископомъ.

слыша докладъ мой, сказанный гласно, бросился къ пастору и подвелъ его къ архипастырю. Пасторъ, какъ было замѣтно, съ большимъ смущеніемъ подошелъ къ архипастырю и, раскланиваясь, началъ извиняться, увѣряя, что онъ никого не возмущалъ къ отступничеству, что онъ проѣздомъ къ одному изъ своихъ пріятелей замѣтилъ здѣсь необычайное стеченіе народа, примкнулъ къ оному и, узнавъ о посѣщеніи архіепископа, желалъ также посмотреть и послушать Его Преосвященство. Преосвященный весьма кротко, подавъ руку пастору, сказалъ: „Такъ говорятъ о Васѣ.“ Пасторъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: укажите мнѣ по имени тѣхъ, которые на меня это показываютъ. Я возразилъ пастору: „Вы слышите, что говорятъ въ толпѣ; зачѣмъ же мнѣ по имени называть? — я ихъ не знаю.“ Орднунгсрихтеръ угрожалъ наказаніемъ тѣмъ, которые указывали и объявляли (д. б. выдавали) пастора, но архіепископъ, услышавъ это, просилъ барона Криднера (орднунгсрихтера) не страшать народъ наказаніемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ во имя Христа Спасителя, князя мира, происходитъ бесѣда. Когда пасторъ въ другой разъ приставакъ ко мнѣ съ вопросами, чтобы показать ему того человека, который обвиняетъ его въ совращеніи православныхъ, то я, въ свою очередь, спросилъ его: „Зачѣмъ вы пожаловали сюда? Восемнадцать лѣтъ не было слышно, чтобы лютеранскій пасторъ когда-либо присутствовалъ въ церкви православной и находился въ собраніи православныхъ.“ Сказавъ это, я обратился къ архіепископу:

„Высокопреосвященнѣйшій Владыко, Вы управляете всѣми православными церквами въ Лифляндіи и Курляндіи, случалось ли Вамъ когда-либо встрѣчать въ православныхъ церквахъ и въ кругу прихожанъ своихъ лютеранскаго пастора, объяснявшаго свое присутствіе такимъ показаніемъ, какое представляетъ г. пасторъ Нейкенъ, и въ такое грустное для православія время?“ Архіепископъ сказалъ, что ему не встрѣчалось такого случая, и что это дѣйствительно можетъ показаться страннымъ. Пасторъ, не найдши чѣмъ далѣе оправдать поступокъ свой, сказалъ: „я пришелъ къ лютеранамъ; между православными здѣсь есть лютеране“ . . . Архіепископъ кротко сказалъ ему: „я ничего не знаю; быть можетъ, люди и несправедливо показываютъ, но вѣдь вы сами слышали, что говорятъ о васъ“. Послѣ сихъ словъ пасторъ, раскланявшись съ архіепископомъ, удалился . . .

Усмотрѣнныя архіепископомъ Платономъ причины недовольства православныхъ въ Лифляндіи были слѣдующія: безцеремонно-пристрастное отношеніе мѣстныхъ землевладѣльцевъ, мѣстныхъ судовъ и мѣстной полиціи къ перешедшимъ въ православіе крестьянамъ и вышеизложенная утонченная пропаганда лютеранскаго духовенства. Тягостнѣе всего было для православныхъ то униженіе, какое испытывали они отъ лютеранъ, ихъ же собратьевъ, но — въ силу того, что они лютеране — пользовавшихся житейскимъ благосостояніемъ, преимуществами во всѣхъ отношеніяхъ, — затѣмъ скудость, бѣдность и невзрачность православныхъ храмовъ

сравнительно съ грандіозными лютеранскими церквами.

Не имѣя, къ сожалѣнію, подъ руками отчета о ревизіи графа Бобринскаго, не можемъ привести его дословно, истиннаго положенія дѣла онъ не могъ ни увидѣть, ни услышать. Очевидцы событія свидѣтельствовали, что графъ, какъ и подобало его высокому положенію и важности миссіи, былъ окруженъ всевозможными попеченіями высшаго остзейскаго дворянства: видѣлъ передъ собою тѣхъ, кого дворянству угодно было показать ему, слышалъ то, что дворянству угодно было сказать ему; словомъ, онъ носился на такой высотѣ, съ которой, при всемъ добромъ желаніи, не увидишь и не услышишь роющихся въ землѣ смертныхъ. Крестьянъ по большей части собирали въ помѣщичьихъ дворахъ: кто являлся передъ высокимъ сановникомъ и кто говорилъ, этого, разумѣется, въ должную извѣстность не проводили. Если при объѣздѣ епархіи Высокопреосвященнымъ Платономъ въ число православныхъ вмѣшивались лютеране, наущенные пасторами или сторонниками лютеранства, если даже сами пасторы, какъ мы видѣли выше, предъ самымъ пріѣздомъ архіепископа наущали лютеранъ, что и какъ имъ говорить передъ архіепископомъ, то что же сказать о результатахъ ревизіи графа Бобринскаго, который по словамъ очевидцевъ мало обращался за справками къ православному духовенству? Результаты ревизіи Его Сіятельства оказались болѣе чѣмъ пагубными для православія. Словесныя и письменныя заявленія право-

славныхъ крестьянъ и духовенства, судя по послѣдствіямъ отчета, были оставлены безъ вниманія. Какъ бы то ни было, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1865 г. послѣдовала отмѣна предбрачныхъ подписокъ, коими лютеране, вступающіе въ бракъ съ православными, обязывались крестить и воспитывать дѣтей своихъ въ православіи. Враги православія, разумѣется, съ возможною поспѣшностью и прикрасами постарались распространить эту вѣсть въ народѣ: „по всеѣмъ волостямъ,“ говоритъ Поляковъ въ своихъ запискахъ, „сзывались сходы крестьянъ, которымъ отъ имени высшей мѣстной власти было объявлено, что съ этого времени каждый имѣть право крестить дѣтей своихъ въ той вѣрѣ, въ какой пожелаетъ.“ Латыши и Эсты, утомленные гоненіями и насмѣшками инновѣрцевъ, воспользовались этою новостью и стали крестить дѣтей своихъ въ лютеранство, не только отъ смѣшанныхъ, но и отъ такихъ браковъ, когда родители оба принадлежали къ православному исповѣданію. Съ 1866 г. число младенцевъ, крещенныхъ въ православіе въ Эйхенайгерскомъ приходѣ, стало быстро уменьшаться, что видно изъ слѣдующей справки:

въ 1860 г.	крещенныхъ въ православіе	было	87
„ 1861 „	„ „ „ „ „	„	94
„ 1862 „	„ „ „ „ „	„	101
„ 1863 „	„ „ „ „ „	„	98
„ 1864 „	„ „ „ „ „	„	90
„ 1865 „	„ „ „ „ „	„	89
„ 1866 „	„ „ „ „ „	„	55

въ 1867 г. крещенныхъ въ православіе было 66

„ 1868 „ „ „ „ „ 50

Съ того же 1866 г. годъ отъ году стало менѣе являться къ исполненію христіанскаго долга — исповѣди и св. причастія. Такъ оказалось, что небывшихъ у исповѣди

въ 1865 г. изъ 1186 прихожанъ было 71 челов.

„ 1867 „ „ 1213 „ „ 157 „

„ 1868 „ „ 1213 „ „ 191 „

„ 1869 „ „ 1207 „ „ 234 „ *)

Въ другихъ приходахъ пропорція эта оказалась еще разительнѣе; скажу только, что были приходы, въ которыхъ продолжала являться къ исполненію христіанскаго долга едва половина бывшихъ прихожанъ. Увидавши предъ собою такое обширное поле дѣятельности, пасторы не только усугубили, но удесятерили свои старанія. До тѣхъ поръ, пока родители изъ смѣшанныхъ браковъ обязаны были крестить дѣтей въ православіе, пасторы пускали въ ходъ все возможное, чтобы разстраивать такіе браки; но съ 1865 г., когда послѣдовало разрѣшеніе крестить дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ въ какую угодно вѣру, пасторы старались поощрять такіе браки, въ той увѣренности, что они успѣютъ устроить дѣло такъ, чтобы дѣти отъ этихъ браковъ были крещены въ лютеранство, что почти всегда и оправдывалось. Высочайшій указъ о нетребованіи православными священниками предбрачныхъ письменныхъ обязательствъ отъ разновѣрныхъ брачующихся касался исключительно

*) Сборникъ матеріаловъ по исторіи Приб. края. т. III. стран. 529.

однихъ перешедшихъ въ православіе латышей и эстовъ прибалтійскаго края; но пасторы считали себя въ правѣ крестить въ лютеранство и дѣтей отъ браковъ природныхъ русскихъ съ лютеранами. Такихъ случаевъ въ Прибалтійскомъ краѣ было не мало. Юрій Ѳед. Самаринъ, личный свидѣтель первоначальнаго движенія латышей и эстовъ въ православіе, пишетъ: „Одинъ изъ (рижскихъ) городскихъ пасторовъ (Трей) напечаталъ статью о продѣлкахъ, которыми іезуиты въ XVII в. соблазняли крестьянъ въ Лифляндіи къ переходу въ католицизмъ. Намѣреніе было очевидно и проглядывало сквозь каждое слово. Это былъ пасквиль противъ православія и нашего духовенства, облеченный въ форму исторической статьи. Представитель католическаго духовенства въ Ригѣ не могъ однакоже оставить безъ вниманія оскорбительныхъ отзывовъ о служителяхъ римской церкви. Узнавъ объ этомъ, пасторъ, сочинившій статью, велѣлъ сказать ему, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія нанести оскорбленіе католикамъ, но имѣлъ въ виду православіе и, не смѣя нападать открыто на господствующую церковь, прибѣгнулъ къ иносказательной формѣ разсказа. Этого пастора удалили изъ Лифляндіи, и весь негодующій край провозгласилъ его мученикомъ, тотъ самый край, для успокоенія котораго удаленъ былъ Иринархъ.“

„Бъ нѣкоторыхъ приходахъ пасторы положительно запрещали погребать на лютеранскихъ кладбищахъ умершихъ въ православной вѣрѣ крестьянъ, хотя бы при селеніяхъ не было отведено имъ особаго погоста, и не

смотря на то, что въ уставѣ лютеранской церкви велѣно хоронить на кладбищахъ всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданія*).

Еще въ генераль-губернаторство Головина, время, которое мы относительно можемъ назвать благоденствіемъ православія въ прибалтійскомъ краѣ, — Вольмарскій пасторъ Вальтеръ безъ всякаго предписываемаго законами разрѣшенія учредилъ въ десяти мѣстахъ своего прихода собранія для прихожанъ; произносилъ здѣсь проповѣди, въ которыхъ съ ожесточеніемъ нападалъ на православную церковь: предавалъ проклятію отступниковъ отъ лютеранства, возбуждалъ своихъ слушателей противъ нихъ и противъ желающихъ обратиться въ православіе и. т. п. Подобнаго же характера были выходки пастора Трея, пасторовъ Аренбургскаго, Клейнъ-Роопскаго, Гросъ-Роопскаго и другихъ.

Насколько несправедливы были жалобы представителей лютеранскихъ властей на гоненія со стороны православнаго губернатора, видно изъ того, что генераль-губернаторъ Головинъ отнесся къ подобнаго рода дерзкимъ выходкамъ очень снисходительно: не назначилъ надъ виновными слѣдствія, не предалъ ихъ суду, чтобы подвергнуть заслуженной карѣ, а только предложилъ Лифляндской лютеранской консисторіи „принять рѣшительныя мѣры къ непремѣнному прекращенію произвольныхъ дѣйствій.“ Только дерзкіе отвѣты Вальтера имѣли послѣдствіемъ удаленіе его изъ края.

„Въ самой Ригѣ,“ сообщаетъ Еѳимъ Михайловичъ

*) Самаринъ т. VII стран 140.

Крыжановскій, „пасторъ Берггольцъ не уступалъ Вальтеру въ запальчивости своихъ проповѣдей. Въ февралѣ 1846 г. рижскій епископъ писалъ Оберъ-Прокурору Св. Синода: „Въ понедѣльникъ недѣли великаго поста, когда праздновали здѣсь день смерти Лютера, въ Яковлевской церкви пасторъ Берггольцъ говорилъ проповѣдь. Даже нѣкоторые изъ лютеранъ сознавали, что они со страхомъ за себя сидѣли въ киркѣ во время этой проповѣди . . . Даже генераль-суперъ-интендентъ Клодтъ, слушавшій проповѣдь въ киркѣ, при нѣкоторыхъ словахъ закрывалъ уши и голову воротникомъ шубы. Берггольцъ будто бы говорилъ, что никакая гражданская власть не имѣетъ права вступаться въ дѣло религіи.“

„Нѣкоторые пасторы прибѣгали къ сплетнямъ и выдумкамъ, напр. пасторъ Ней-Пебалгскаго кирхшпиля Кельбрандтъ объявлялъ въ киркѣ съ кафедръ, что всѣ, принявшіе православіе, будутъ высланы на Кавказъ вмѣстѣ со своими священниками; пасторъ Мустельскаго кирхшпиля Мазингъ увѣрялъ крестьянъ, что принявшіе православіе будутъ обложены огромными податями на уплату государственнаго долга и на постройку желѣзныхъ дорогъ и т. п.“ Но всего болѣе застрашивали они крестьянъ объявленіемъ съ кафедръ, что не будутъ совершать никакихъ требъ для записавшихся въ православіе и, въ случаѣ смерти кого-либо изъ нихъ, откажутъ таковому въ погребеніи по христіанскому обряду на кладбищахъ, предоставляя хоронить его вмѣстѣ съ самоубійцами“ (стр. 35—39). Последнею мѣрою пасторы

съ замѣчательнымъ успѣхомъ пользовались въ теченіе *шестидесяти* срока. Семейства, въ которыхъ въ теченіе указаннаго срока случалась надобность въ какихъ либо религіозныхъ требахъ, вынуждены были давать пасторамъ обѣтъ, что не пойдутъ въ православіе и останутся навсегда лютеранами, въ противномъ случаѣ угрозы примѣнялись со всею строгостью. Тутъ естественно можетъ родиться возраженіе: въ этомъ случаѣ пасторы поступали вполне логично, ибо не было никакого смысла подавать помощь отъ имени религіи такому лицу, которое уже отрекалось отъ этой религіи. Но не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что *заявленіе не было отреченіемъ*, что каждому, заявлявшему желаніе принять православіе, объявлялось, что онъ по зрѣломъ размысленіи о своемъ намѣреніи можетъ отказаться отъ него, слѣдовательно, заявленіе было только условное: никому изъ заявившихъ желаніе принять православіе не возбранялось отказаться отъ этого заявленія.

Доколѣ человекъ передъ Богомъ и Его служителемъ торжественно не произнесъ отреченія отъ прежней вѣры, доколѣ онъ остается членомъ этой религіи. Отъ переходящихъ въ лоно православной церкви отреченіе отъ заблужденій прежней религіи принимается только передъ самымъ миропомазаніемъ. Къ тому-же на дѣлѣ оказалось, что по истеченіи *шестидесяти* срока въ православіе обратилось самое незначительное число лицъ, заявившихъ желаніе. Слѣдовательно, пасторы не имѣли ни юридическихъ, ни каноническихъ основаній отказывать въ

христіанскихъ требахъ, заявившимъ желаніе принять православіе. И надъ обратившимися въ православіе пасторы тоже не имѣли права совершать такихъ безчеловѣчій, каково слѣдующее: Отъ 6 января 1846 г. лемзальскій священникъ Стефанъ Меньшиковъ доноситъ рижскому епископу: „Прошлаго 1845 г. дек. 24 д. явилась ко мнѣ состоявшая въ Аллендорфскомъ кирхшпилѣ, Вольмарскаго уѣзда, приписанная къ мызѣ Эйхенангернъ, новоприсоединенная крестьянка, вдова Елена Михельсонъ и объявила, что того же мѣсяца, 2-го числа, скончался молодѣтній ($4\frac{1}{2}$ мѣс.) сынъ ея Андрей, вмѣстѣ же съ нею мною присоединный, что она, вдова, по крайней бѣдности своей, не можетъ нанять лошади и для погребенія привезти его (младенца) въ Лемзаль, а даромъ ей лошади никто не даетъ и что приходскій пасторъ ей не позволяетъ предать землѣ тѣло умершаго младенца на латышскомъ кладбищѣ. Вслѣдствіе всего этого она спрашивала у меня, что ей должно дѣлать. По моей несостоятельности я также не могъ нанять лошадей и ѣхать совершать надъ умершимъ погребеніе на мѣстѣ его смерти. Посему, отпѣвъ оное надъ землею, часть которой велѣлъ женщинѣ Михельсонъ трижды крестообразно положить во гробъ на умершаго, остальную бросить на гробъ его въ могилу, и отъ 26-го того же декабря снабдилъ ее свидѣтельствомъ, что къ опущенію въ землю умершаго ея сына съ моей стороны нѣтъ никакихъ препятствій. Между тѣмъ сія же женщина Михельсонъ 29 декабря явилась ко мнѣ во второй разъ,

возвратила выданное мною ей свидѣтельство и во второй разъ со слезами объявила, что пасторъ аллендорфскій ни за что не позволяетъ похоронить ея сына на латышскомъ кладбищѣ, говоря: „ты скверная женщина, ты теперь русская, иди хоронить своего сына съ русскими,“ и что она упросила крестьянъ, везшихъ въ Лемзаль дрова, привезти и ея сына, который и преданъ землѣ на Лемзальскомъ приходскомъ кладбищѣ*). Итакъ, восклицаетъ Е. М. Крыжановскій, передавая этотъ рассказъ — со 2 до 29 декабря умершій младенецъ бѣдной вдовы оставался въ хижинѣ ея безъ погребенія, и это не тронуло пастора; онъ до конца выдержалъ свой жестокий приговоръ!“

Это фактъ, подобныхъ которому были сотни. Между тѣмъ уставъ предписываетъ хоронить на кладбищѣ всѣхъ безъ различія исповѣданій. Изъ этого видно, какъ мало мѣстные лютеранскіе чины церемонились передъ законами и уставами.

Приведемъ нѣсколько образчиковъ лютеранской пропаганды изъ позднѣйшаго времени.

Отъ 19 декабря 1869 г. священникъ Петръ Журавскій пишетъ рижскому петропавловскому братству, что — по свидѣтельству крестьянъ, управляющій (онъ же и писарь) имѣнія Ставензее увѣрялъ крестьянъ, что вышелъ царскій указъ, разрѣшающій всѣмъ православнымъ перейти въ лютеранство.

*) Изъ дѣлъ, хранящихся въ канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Синода.

Отъ 27 декабря того же года православные прихожане Роопскаго прихода просятъ епископа Веніамина помочь имъ противъ Роопскаго пастора Фейнборена, который вмѣстѣ съ своими форминдерами (церковными попечителями) врывается въ православное стадо: тайкомъ заманиваетъ дѣтей православныхъ родителей, мальчиковъ и дѣвушекъ, держать ихъ у себя, задобриваетъ, ласкаетъ, склоняетъ въ лютеранство, принимаетъ къ причастію, вѣнчаетъ и т. д.

Отъ 22 ноября 1871 г. Перновскій священникъ Скоропостижнѣйшій пишетъ петропавловскому братству и приводитъ множество случаевъ крещенія пасторомъ Бергвицемъ въ лютеранство дѣтей не только отъ смѣшанныхъ браковъ, но и отъ единовѣрныхъ православныхъ родителей, вѣнчается не только смѣшанные браки, но и такіе, когда оба брачующіеся православные; приводитъ даже случаи вѣнчанія пасторомъ православныхъ вдовцевъ на родныхъ сестрахъ ихъ умершихъ женъ и т. п.

Сотни такихъ заявленій хранятся въ архивахъ рижской епархіи и въ братскихъ бумагахъ.

Таково было положеніе православной церкви въ Прибалтійскомъ краѣ. Всѣ протесты и доклады православнаго духовенства мѣстному епархіальному начальству и жалобы послѣдняго мѣстнымъ свѣтскимъ властямъ оставались гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Преосвященнѣйшій Платонъ убѣдился, что причины, вызвавшія въ православныхъ латышахъ и эстахъ желаніе

возвратиться изъ православія въ лютеранство, главнымъ образомъ дѣлятся на двѣ группы: а) всевозможныя притѣсненія и угнетенія православныхъ латышей и эстовъ со стороны прибалтійскихъ землевладѣльцевъ, административныхъ и полицейскихъ мѣстныхъ властей, утонченная пропаганда пасторовъ и ихъ помощниковъ. б) печальное положеніе православныхъ храмовъ, ихъ утвари, скудное матеріальное положеніе православнаго духовенства.

Для борьбы противъ первой группы причинъ, вызвавшихъ въ латышахъ и эстахъ желаніе возвратиться въ лютеранство, т. е. противъ угнетенія православныхъ землевладѣльцами, мѣстными мірскими властями, противъ пропаганды пасторовъ и ихъ помощниковъ, православная рижская іерархія была безоружна. Противъ второй группы причинъ, т. е. противъ бѣдственнаго положенія православныхъ храмовъ и православнаго духовенства бороться было чрезвычайно трудно: небыло средствъ на постройку новыхъ церквей въ приходахъ, гдѣ онѣ еще не были построены, не было средствъ на ремонтъ церквей, которыя были построены въ началѣ православія второпяхъ, изъ сыраго матеріала, и которыя лѣтъ черезъ десять послѣ постройки стали разваливаться или дѣлались добычею губки; не было источниковъ и для улучшенія матеріальнаго положенія духовенства. Чтобы сколько-нибудь помочь православной церкви архіепископъ Платонъ рѣшился прибѣгнуть къ помощи православнаго общества — при посредствѣ Братствъ.

Въ 1867 г. было основано Рижское Петропавловское православное Братство, а затѣмъ для защиты православной церкви въ прибалтійскомъ краѣ образовались и другія Братства:

Эзельское Свято-Николаевское Эсто-Русское православное Братство,

Гольдингенское — Покрова Пресвятыя Богородицы, Либавское Николаевское Православное Братство,

Тукумское Св.-Николаевское православное Братство.

Послѣднія три слились потомъ въ Прибалтійское православное Братство Христа Спасителя и Покрова Божіей Матери, состоящее подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ покровительствомъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ.

Прибалтійское Братство Христа Спасителя и Покрова Божіей Матери образовало отдѣленія:

- а) Эстляндское, въ г. Ревелѣ,
- б) Феллинское,
- в) Леввенское,
- г) Вольмарское,
- д) Гривское,
- е) Венденское и
- ж) Якобштадтское — Св. Николая Чудотворца.

Всѣ они — съ Прибалтійскимъ Братствомъ во главѣ — по мѣрѣ силъ и средствъ трудятся на пользу воинствующей въ прибалтійскомъ краѣ православной церкви Христовой.
